

Наталья Медведская

Птичья тропа

12+

Наталья Брониславовна Медведская

Птичья тропа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23806008

SelfPub; 2024

Аннотация

На Альку столько всего свалилось: развод родителей, перевод в другую школу, новые одноклассники. Она замкнулась в себе, обиделась на весь мир. От предательства родителей, потери друзей Алька решает сбежать в самое красивое для неё место на земле: село Кишуг. В этом селе у дедушки и бабушки она отдыхала каждое лето и была там счастлива. Девочка не догадывалась, какие приключения её ожидают, какие тайны откроются и насколько необычный дар она получит в древнем дольмене. А ещё ей предстояло повзрослеть, испытать первые муки ревности и ощутить зарождение самого прекрасного чувства на земле: любви.

Наталья Медведская

Птичья тропа

Алька проснулась на рассвете: разбудил какой-то посторонний звук. Она впустила подушку, собираясь улечься удобнее и снова заснуть, но тут дробный, лёгкий стук повторился снова. Вот что потревожило – этот стук! Девочка подошла к окну и раздвинула белые, тюлевые занавески. За стеклом на железном сливе для дождевой воды сидела белая ворона и внимательно смотрела на неё.

– Это ты стучишь? – спросила Аля и засмеялась: дожидаясь, спросонья с птицей разговаривает.

Ворона потянулась клювом к окну и снова стукнула в раму.

– Нет, ну ты наглая птица. Кыш, кыш! – Алька помахала руками. Потом сообразила: ворона через стекло не слышит. Отворила раму и сердито пробормотала:

– Сама не спишь и другим не даешь. Лети отсюда.

Ворона взмахнула крыльями и плавно опустилась на толстую ветку сливы.

– Я бы не будила тебя, но только в предрассветный час можно попасть в проход между мирами.

– Кто это тут болтает? – Алька высунулась в окно по пояс, разглядывая в сером зыбком свете деревья в саду, забор,

кусты красной смородины.

– Ничего не меняется, люди по-прежнему считают себя пупом земли. – Ворона посмотрела в ошарашенное лицо девочки.

Алька отпрянула от окна.

– Птицы не разговаривают! – с нажимом в голосе произнесла она и подумала: «Может, мне послышалось?»

– Всегда одно и то же. Почему никому не приходит в голову, что кроме вас, людей, кто-то ещё может говорить и мыслить?

– Но у тебя же клюв закрыт! – возмутилась Аля. – Ты не можешь говорить, не раскрывая рта, то есть клюва.

– Понятно. Вот если бы я раскрывала клюв, ты бы поверила, что существуют говорящие вороны?

– Может быть, – смутилась девочка, чувствуя неуверенно и весьма странно. Не могла же она сойти с ума за одну ночь.

– Кара, ты говорила, что это человеческое существо необычное – она должна всё схватывать на лету. Пока я не вижу в ней ничего особенного, – пропищал кто-то из кустов.

– Кто там? – удивилась Алёка и тряхнула всклокоченными светлыми волосами, прогоняя остатки сна.

– Не волнуйся, – успокоила ворона. – Это Рыжуля. Скоро рассвет, а нам нужно добраться до дольмена и войти в него с первым лучом солнца.

– Зачем? И кто такая Рыжуля?

– Рыжуля – лиса. А к дольмену нам нужно, чтобы полить

Древо Жизни и Познания, – ответила ворона, нетерпеливо переступив лапками на ветке.

Алька легла животом на подоконник и стала вглядываться во что-то находящееся у кустов смородины. На свободное пространство, ближе к окну, вышла лиса.

– Она тоже белая! – Тёмные глаза Али округлились. – А почему её зовут Рыжуля, с таким-то окрасом.

– Не белая, а седая, – поправила лиса. – Когда-то я носила рыжую шкурку. Не менять же имя из-за перемены цвета. Значит, моё умение говорить тебя уже не смущает?

– Ты тоже не открываешь рот. Почему я вас слышу?

– Пасть не открываю, – поправила Рыжуля. – Ты о ментальном, мысленном общении что-нибудь слышала?

Алька кивнула. Она обожала фантастические романы Беляева¹, рассказы Бредбери² и кое-что знала о таком способе общения.

– Именно так мы и говорим с тобой. Твой мозг воспринимает нашу мысленную речь так, словно мы произносим слова вслух. Наши голосовые связки не предназначены для воспроизведения человеческой речи. Одевайся. По дороге к дольмену мы всё объясним.

– Да, – подхватила ворона. – Разве не ты, только вчера, жаловалась бабушке, что в мире не осталось больше тайн. Вот он шанс увидеть чудо! Не упusti его.

Аля снова тряхнула головой: говорящие ворона с лисой действительно за гранью понимания. Эти персонажи из сказ-

ки зовут её к какому-то Древу Познания. Почему бы не рискнуть? Она сбросила пижаму и стала быстро одеваться. Футболку заправила в спортивные штаны, путаясь, завязала шнурки на кроссовках. Аккуратно и бесшумно спустилась из окна в сад. Трава заглушила шаги.

– Молодец, – похвалила ворона. – Быстро собралась.

– Пойдёшь за мной. Кара полетит следом, – пояснила лиса и неторопливо направилась со двора. За ней, стараясь не отставать, пошла Аля.

Каждое лето Алька приезжала к бабушке и дедушке в деревню и все каникулы проводила у них. Она с радостью возвращалась в это красивейшее место Краснодарского края – долину Пшиш. Село Кишуг расположилось в живописном месте, вдоль реки Агоя, текущей между холмами, покрытыми густым лесом. Небольшой переулочек из десятка строений спускался прямо к реке. Дом дедушки стоял на холме. С него открывался замечательный вид на лес. В доме, сложенном из камня, было прохладно летом и тепло зимой. В уютном дворе для единственной внучки Алексей Кириллович соорудил целый детский городок: качели, песочницу с грибочком, деревянную горку и настоящий домик для кукол. В переулочке Ольховом других детей не было – малышке приходилось играть одной. Так получилось, что на крохотной улочке жи-

ли одни пенсионеры. Когда Аля подросла, бабушка стала изредка отпускать её к детям на соседнюю улицу.

Аля всегда с нетерпением ожидала наступление лета. Ей нравилось жить в деревне. Озера, таинственный лес – всё это притягивало, как магнит. Недалеко от села, возле реки, стояли старинные каменные постройки – дольмены. У самого большого, рассказывал дедушка, только крышка весила около двадцати тонн. Остальные поменьше, но все они имели четыре стены, крышу и круглое входное отверстие, обращённое на восход солнца. Аля с друзьями часто ходила к дольменам, ей нравилось находиться рядом с ними. Соприкосновение с тайной будоражило воображение, какое-то неуловимое очарование витало над древними камнями. Алька прочла всё, что смогла найти о «богатырских хатках», как их называют местные жители. Из книг узнала, что дольмены возвели четыре с половиной тысячи лет назад из мелкозернистого песчаника. Плиты весом в несколько тонн непонятным образом доставляли за несколько километров от мест выработки к месту установки. Она интересовалась у своего дедушки Алексея Кирилловича:

– Как могли древние люди притащить издалека и поднять в горы такие тяжеленные плиты?

– Никто не знает. Даже сейчас, имея подъёмные краны и вертолеты, это сложно сделать.

– И что, никто-никто не разгадал, как они сумели совершить такое?

– Никто. На нашей планете ещё много тайн – тебе есть чем заняться, – улыбнулся дедушка, зная страсть своей внучки к загадкам. – По всему Закубанью десятки этих сооружений. Вдоль рек Пшиш и Аше – царство этих древних мавзолеев. А знаешь, Алечка, дольмены есть в Индии, Франции, Палестине, Италии, Дании, а также в Скандинавских странах.

– Я думала они только у нас. Дедуль, а почему ты назвал дольмен мавзолеем?

– Да это так, одно из предположений учёных. Они думают, в них хоронили людей.

– Брр... а почему наши пустые? – Аля поёжилась, но глаза по-прежнему горели любопытством.

– А вот с косточками-то проблема. В большинстве богатырских хаток никогда не находили скелетов. – Алексей Кириллович погладил подбородок. Он недавно сбрил бороду, а привычка осталась. Глянул на внучку, рассматривающую иллюстрации в книге, потом в окно на лес, темнеющий вдали.

«Никогда не надоест любоваться красотой природы».

Их улочка петляла, спускаясь к реке. В общем-то, улицы в привычном понимании не было. Все строения стояли далеко друг от друга, каждый на небольшом возвышении, а между усадьбами, огороженными сеткой-рабицей³, лентой извивалась грунтовая дорога. В юности он тоже интересовался дольменами. Оказывается, и Альке тайны богатырских хаток не дают покоя.

Алексей Кириллович когда-то работал учителем географии в школе. Он всегда терпеливо отвечал своей любознательной внучке на нескончаемые вопросы и никогда не раздражался. Аля посмотрела на крепкую, высокую фигуру деда на фоне окна.

Он обернулся, почувствовав её взгляд. «Явно чем-то встревожена, но причину скрывает».

Аля морщила лоб, размышляя: «Какое-то странное слово доль-мен».

– Дедушка, а ты случайно не знаешь, что означает доль-мен?

– Знаю и неслучайно. Я вырос в этих краях и школьником писал реферат о богатырских хатках. Думаешь, тебя одну они заинтересовали? Название дольмен составлено из двух бретонских слов: «doe» – стол и «men» – камень, то есть – каменный стол. Разные народы называли их по-разному: мингрелы – «одзвале» (вместилище костей), адыги – «испыун» (дом карлика), абхазы – «адамра» (могильные дома). Ученые так и не смогли точно выяснить: для чего строились дольмены – ровесники пирамид? Просто приняли версию – это древние каменные гробницы. Внутри дольменов иногда находили кости, утварь, оружие. Камень, из которого они сделаны, плохо поддается даже современным методам обработки. Плиты построек пригнаны так плотно, что нет зазоров.

– Точно. Мы с Максом пыталась просунуть нож меж-

ду камнями. Фиг вам. Только ножик поломали. Чем только строители их скрепляли?

– А ничем. Плиты подогнаны идеально, между ними нет зазоров. Нынешним бы строителям поучиться у предков, – Алексей Кириллович хмыкнул, вспомнив упавшую стену нового магазина в их селе. «Бракоделы чертовы». – Он присел на диван к внучке.

«Раньше не расспрашивала о домиках карлика так подробно».

Глянул на ещё незагорелое лицо Альки, на необычные глаза, чуть вздернутый нос и упрямо сжатые губы.

«Так и есть что-то задумала».

– Дедуль, и это все загадки?

– А тебе мало? Назову ещё. Если дольмены служили могильниками, то зачем нужна такая чудовищная массивность стен и крыши? Все выходные отверстия обращены на восток. Почему? Чтобы первые лучи солнца сразу попали в дольмен? Зачем? – Алексей Кириллович прищурил глаза и вопросительно посмотрел на внучку. – Твоя версия?

– Дольмены в роли обсерваторий. Отмечали, когда солнышко всходит, – проявила знания Аля.

– Это вряд ли. Все хатки установлены в поймах рек, не самое удобное место для наблюдения. И самое удивительное в дольменах – это радиация. Она везде. И внутри, и снаружи радиационный фон повышен. Прямо ракетный полигон, а не куча камней. При этом одни люди возле них испытыва-

ют страх и тревогу, а другие подъем сил и возбуждение.

Аля забеспокоилась:

– А это не вредно? Мы там часто гуляем, не заразимся?
Мне нравится играть возле хаток.

– Не волнуйся, не заразишься, – улыбнулся Алексей Кириллович. – Радиация небольшая. А ещё возле дольменов замедляется время...

– Вот, – перебила Алька деда, обрадовавшись. – Я же говорила, время пролетело незаметно, а вы ругали меня. Почему я так долго бегала в лесу? Почему ужин пропустила?

– Не выкрутишься, хитрюга. Время там замедляется, а не ускоряется, – засмеялся Алексей Кириллович. Ну и последнее: возле хаток ученые измерили радиомагнитный фон – он тоже повышен.

Аля закусил губу, вспоминая, что она знает о магнитных полях, но безуспешно. Кроме магнитного полюса земли и обычного магнетика на холодильник ничего в голову не приходило.

Дед укоризненно покачал головой.

– Понятно, в школе плохо физику учила.

Алька вспоминала этот разговор с дедушкой, торопливо шагая за лисой по белесому от утреннего тумана лесу.

«Я не упущу возможность, хотя бы приоткрыть завесу

тайны над дольменами?

– Ну, что я говорила тебе – это необыкновенное человеческое дитя, – обратилась ворона к лисе.

– Ты права, Кара, – согласилась Рыжуля. – Будем надеяться, что она окажется ещё и храброй.

Алька зазевалась, тонкая ветка берёзы хлестнула по лицу. От боли девочка вскрикнула и возмутилась:

– Вы что, подслушивали мои мысли?

– Ты тоже слышишь наши, – парировала ворона. Птица уселась на ветку ясеня и щелкнула клювом.

Аля тронула горящую щёку и поёжилась от капелек росы, упавших за шиворот.

– Так значительно проще и легче понимать друг друга, – добавила Рыжуля. – В древности люди умели мысленно общаться между собой. Потом утратили это умение.

– Они много чего утратили, – пробурчала Кара. – Дегradировали окончательно.

Лиса подняла морду вверх и принюхалась к чему-то.

Альке стало обидно за человеческий род. Она несколько с пафосом произнесла:

– Почему дегradировали? Наша цивилизация развивается. От каменного века, когда мы бегали в шкурах, добрались до космоса.

– Ха-ха-ха, – изобразила язвительный смех Кара.

Алина с любопытством наблюдала за появлением в круглых глазах вороны почти человеческого выражения.

– Вам, когда-то разговаривающим без слов, силой мысли, передвигающим огромные камни, понимающим язык птиц и зверей, знающим, что необходимо каждому растению, умеющим за секунды перемещаться на большие расстояния – хвалиться ракетами, словно калека, инвалидной коляской – стыдно! Вся ваша нынешняя цивилизация – это накопление хлама и загрязнение природы. Все ваши научные достижения – ничто перед прошлыми возможностями! – воскликнула Кара.

– Люди это умели? – удивилась Алька и обняла себя за плечи. От утренней свежести она немного озябла. – Могли перемещаться без машин и самолетов? Строить без механизмов и кранов? Вот значит, как они соорудили дольмены.

Ворона спикировала на нижнюю ветку ближе к девочке.

– Именно. А ещё ваши предки растили урожай овощей и фруктов без химии и ровно столько, сколько нужно, не более. И берегли планету, не делая ничего лишнего. Человеку на самом деле не нужен громадный дом, куча тряпок, избыток пищи. Вы не общество потребления – вы общество уничтожения планеты! Всё, чем вы себя окружаете, вырабатывается и берется либо из недр, либо с поверхности земли, а избыток выбрасываете в мусор.

– Что же делать? – поинтересовалась Аля, смущённая такими обвинениями. – Знаете выход из этого тупика? Я всего лишь подросток, а вы говорите со мной о таких проблемах. Что я могу сделать?

– Планета накажет людей, если они не одумаются, – про- бурчала Кара. Но лично ты можешь оказать ей большую услугу: не дашь засохнуть Древу Жизни и Познания. Пока оно живое – ваш мир не рухнет в пропасть.

На мордочке лисы появилась смущённая гримаса.

– Кара, не стоит пугать девочку.

Ворона взлетела с ясеня, снова осыпав девочку, капелька- ми воды.

– Отдохнула?

Алина кивнула и осмотрела себя – белые кроссовки стали грязными, а джинсы до колен промокли от росы.

– Время уходит, – заволновалась Рыжуля и нервно стук- нула хвостом по влажной траве. – Срежем путь. – И не огля- дываясь на девочку, потрусила по едва заметной тропинке.

Аля, наклоняясь ниже, уворачиваясь от веток, перегоро- дивших дорожку, поспешила за ней.

– Мы пришли, – неожиданно сообщила ворона.

Впереди показался тёмный силуэт дольмена.

– Скорее! – крикнула лиса и побежала вперед.

Алька помчалась за ней. Они успели пролезть во входное отверстие строения в последнюю секунду. Первый луч солн- ца коснулся камня и осветил внутренность дольмена.

– У нас есть только две минуты, чтобы открыть портал, – сказала Кара. – Видишь, на каменном полу и далее на стене цепочку птичьих следов – эта дорожка вход в портал. Просто

иди по ним.

Первой по дорожке из застывших в камне птичьих следов побежала Рыжуля. К огромному удивлению Али она растворилась в серой глыбе камня, как в воде. Лиса прошла сквозь стену.

Ворона толкнула девочку в ногу клювом.

– Ну же.

Аля робко шагнула и почти сразу уперлась в камень.

– Попробуй ещё раз, – посоветовала Кара.

Алька отошла назад и снова направилась к стене. Не рассчитав, ударилась о камень и рассекла лоб. Потекла кровь, алые капли упали на каменный пол и тут же впитались в него, будто в землю.

– Я не ошиблась – ты садовница. Видишь, камень принял твою кровь. Почему же не открывается портал? – задумалась Кара.

Из стены показалась Рыжуля.

– Что, не удастся пройти?

– Как видишь! – сердито ответила Кара и досадливо махнула крылом.

– Ты не обманулась? Девочка действительно садовница? – заволновалась Рыжуля.

– Мы же наблюдали за ней – все признаки присутствуют, да и камень принял её кровь, – размышляла ворона, вышагивая по дольмену.

Альке показалось смешным хождение птицы, не удержав-

шись, она прыснула в ладошку.

– Она не верит. Вот в чём дело! – воскликнула Рыжуля и оглянулась. – Время ушло. Сегодня уже портал не пройдем. У нас осталось два дня. Значит, нужно ей всё объяснить.

– Что объяснить? – поинтересовалась Аля. – Да вы мне вообще ничего не рассказывали.

– Люди раньше могли проходить порталы. Дольмены, как вы их называете, – это пункты отправления в разные миры. И только некоторые люди, мы их называем садовниками, попадают в Первичный мир. Дольмены специально сделаны массивными, чтобы при перемещении тела энергия гасилась камнем. Поэтому и вход маленький, и все отверстия обращены на восход солнца. Утром накопление энергии идёт лучше. Радиационный и магнитный фон до сих пор остался в дольменах и вокруг их. Садовники проходили в Первичный мир и поливали Древо Познания, которое своими невидимыми корнями, ветвями пронизывает миры и питает их. Древо, как кровеносная система в человеке, снабжает миры энергией мысли и сознания. Если оно погибнет, миры перестанут развиваться. Древо давно не поливали: мы уже сто лет не можем найти садовника.

– Почему? – удивилась Аля. – И отчего вам самим не полить дерево?

– Всё не так просто, – сверкнула красным глазом Кара. – Поливают не водой, а кровью, а у нас она старая и дряхлая – не оживит дерево. Кровь – носитель жизни. Мы – храни-

тели Древа. Раз в полгода род садовников присылал к нам одного из своих, и дерево цвело. С каждым годом, а потом и веком, количество садовников всё уменьшалось, пока не иссякло совсем. Дерево без жидкости и энергии впало в анабиоз. Миры, не получая подпитки, начали разрушаться. Мы были вынуждены покинуть Первичный мир и отправиться на поиски, – объяснила ворона.

– То, что мы обнаружили, потрясло нас. – Рыжуля трянула головой, отгоняя жуткие воспоминания. – Люди деградировали, планета заражена химией, ведуны и волхвы исчезли. Род садовников прервался, а знания безвозвратно утрачены. – В голосе лисы чувствовалась горечь и боль. – Мы смогли найти потомков садовников, но большинство оказались глухи и не воспринимали нашу речь. Их кровь более не была животворящей. Много лет мы потратили на твои поиски. Ты ведь сама знаешь, что в тебе скрыта сила? – склонив белую голову набок, осведомилась Рыжуля.

– Все говорят, что у меня «чёрный глаз» – я стараюсь не злиться и не желать плохого, а то оно сбывается, – пожаловалась Алька, радуясь, что можно хоть с кем-то поделиться своими переживаниями и тревогами.

Жёлтые глаза лисы ласково засияли.

– Но ты часто желала хорошее, и оно тоже сбывалось. Ты называешь это подарками и скрываешь от всех свой дар.

– Откуда вы знаете? – удивилась Аля.

– Мы наблюдали за тобой, – пояснила Кара и стала дело-

вито перебирать перья клювом.

– Тебя обожают животные, рядом с тобой оживают растения. Ты быстро гасишь конфликты, хотя, можешь и разжечь их. В тебе есть сила, позволяющая это делать, – добавила Рыжуля.

Алька вспомнила, как впервые поняла, что она не такая, как другие дети. Это случилось в детском саду. Ей исполнилось пять лет. С лучшей подругой Катей она лепила куличики из песка. К ним подошёл мальчик из старшей группы и растоптал их куличи. Катя громко заревела от обиды, Аля попыталась вытолкнуть хулигана из песочницы, но он больно заломил ей руку. Она охнула и села на песок. Мальчик довольно улыбнулся и отправился в свою группу. Алина посмотрела ему в след и представила: вот он падает и разбивает нос. Неожиданно их обидчик споткнулся на ровном месте и действительно разбил лицо в кровь. Почему-то она сразу осознала – это её вина. Второй случай произошел в первом классе. Сосед по парте Вовка вырвал лист из её учебника. От ярости, затопившей душу, у Альки потемнело в глазах.

Она со злобой пожелала: «Пусть он сломает руку, раз испортил книжку».

Одноклассник, убегая от неё, зацепился ногой за книжный шкаф и рухнул в проход между партами. Жуткий звук треснувшей кости и полный ужаса и боли крик Вовки, Аля запомнила навсегда.

Тогда она сильно испугалась: «Я не хочу быть гадкой и

приносить страдания. Больше никогда, никогда не желаю плохого».

Аля пробовала желать хорошее, но из этого долго ничего не выходило. В их классе училась девочка-заика, когда она пыталась что-нибудь прочесть, над ней смеялись все ученики. В тот день учительница вызвала Свету продекламировать короткое стихотворение. Одноклассница бледная от переживания стояла у доски и мучительно пыталась произнести первую фразу. Алина зажмурилась и от всей души захотела, чтобы Света начала говорить ясно и чётко. И она заговорила: без единой запинки, поразив всех. Алина испытала огромную радость и была счастлива так же, как и сама Света.

«Это намного приятнее, чем приносить боль», – поняла Аля и стала незаметно делать «подарки» друзьям, знакомым и незнакомым людям.

Однокласснику, который боялся прыгать в высоту, подарила немного храбрости. Для плачущей на улице малышки устроила целое представление, уговорив двух воробьев опуститься к ней на ладони. Аля обнаружила: её слушаются птицы и животные, но только тогда, когда она сильно этого желает. Просто так, по заказу не получалось.

Анна Григорьевна, бабушка Али, как-то заметила: высаженные внучкой растения хорошо приживаются и обгоняют в росте, посаженные ею или дедом. Однажды она попросила Алю высеять морковь, редис и кабачки в июне. Каково же было удивление Анны Григорьевны, когда овощи, посеянные

внучкой, обогнали в росте, посаженные в мае. С тех пор бабушка только Але доверяла пересадку комнатных цветов.

Анна Григорьевна уверяла: у внучки «зелёные руки», поэтому её слушаются растения.

Алька посмотрела на Кару.

– Я поняла: моё умение уговорить птиц опуститься ко мне на ладони, цветы не болеть, а деревья хорошо расти – это у меня от предков.

Ворона подтвердила:

– Да. Ты – садовница. Поэтому тебе не надо напрягать силы, когда ты занимаешься растениями. Твой дар заключается в том, что ты интуитивно знаешь, каким должно стать растение в будущем и просто даешь ему толчок к правильному развитию. Прежде чем построить дом, делают чертеж. Ты силой, заключенной в твоей крови, сообщаем растению его будущий чертеж-облик. А вот когда ты пыталась повелевать животными, птицами и людьми, тебе приходилось прикладывать к этому все силы. Ты подключала резерв своего организма, только тогда получала нужный результат и даже не обратила внимания, что после таких экспериментов всегда заболела.

Аля вспомнила: точно! Горло у неё заболело, после того, как одноклассница перестала заикаться. А после представления с птичками, она слегла с температурой. Грипп подхватила после танца двух собачек, организованного для плачу-

щего мальчика.

– Что же мне теперь никому не помогать? – расстроилась Алина.

Рыжуля подняла мордочку, пытаясь заглянуть глаза девочке.

– Почему же, помогай, но научись сначала восстанавливать силы.

Алька присела на корточки и осторожно дотронулась до пушистой шёрстки лисы.

– А эта сила плохая или хорошая?

Рыжуля сморщила нос и фыркнула:

– От тебя пахнет духами – сбивает обоняние. А сила неплохая и нехорошая. Просто сила. А вот как её применять зависит от человека.

Аля чуть отодвинулась.

– Извини. А откуда берется сила?

– Она заключена в твоей крови и способна пробудить Древо. Это благотворно скажется на всех слоях мироздания и в первую очередь спасет ваш мир, – произнесла Кара.

Аля с опаской поинтересовалась.

– И сколько я должна отдать крови.

– Немного, граммов двести для начала, – чуть запнулась ворона.

– А потом?

– Пока мы не найдем ещё садовников, тебе придется раз в полгода после пробуждения дерева поливать его.

Рыжуля явно намеривалась что-то добавить, но промолчала.

Аля вздохнула:

– Иначе никак нельзя?

– Можно. Ничего не делать, и пусть твой мир катится в пропасть, – съехидничала Кара. – Ты не первая из клана садовников: одни нас не слышали, другие не желали отдать и капли своей драгоценной крови, третьим нравился мир такой, как есть.

Рыжуля, успокаивая девочку, потерлась пушистым боком о её ноги, и укоризненно посмотрела на ворону.

– Мне не нравится, – снова вздохнула Аля, вспомнив огромную свалку возле города, улицы, забитые машинами, грязный дождь с неба, оставляющий на листьях растений ожоги.

– Замечательно, завтра попробуем снова, – оживилась лиса, в глазах сразу зажегся желтый огонек. – Теперь возвращайся домой.

Рыжуля пошла по цепочке птичьих следов и быстро растворилась в стене.

– Приходи сюда перед рассветом – мы будем тебя ждать, – произнесла Кара и тоже исчезла в стене.

Аля огляделась по сторонам: кроме этих черточек на полу и стене других узоров внутри дольмена не было.

«Мы считали их рисунками, а оказывается – это проход в другой мир, – размышляла она, трогая шершавые стены

дольмена. – Как произошло, что люди утратили знания?»

Алина поверила белой полусказочной вороне и седой лисе. Ей исполнилось всего тринадцать лет, но она осознала: путь, по которому движется человечество, ошибочен. Люди превратили дольмены в погребальные камеры. Где-то в глубине родовой памяти они помнили о пути в прекрасные миры и стали оставлять своих умерших в дольменах, как бы отправляя их из этого мира в другой. Она выбралась из каменного сооружения и отправилась домой.

Аля гостила у бабушки и дедушки каждое лето.

После возвращения в город прошлой осенью узнала, что родители развелись.

Впервые отец не приехал за ней в деревню. Дедушка привез Алину в город на старенькой «семерке». Они поднялись на третий этаж. Аля открыла дверь своим ключом. В квартире стоял странный нежилой запах. Девочка поморщилась и распахнула окна настежь. От предчувствия непоправимой беды сжалось сердце.

– Дедуль, а где папа? Он же вечно сидел у компьютера.

Отец Али часто работал дома. Игорь придумывал компьютерные игры, рекламные слоганы и редко находился в офисе. Дочь привыкла, что он рядом. Она прошла в кабинет отца и замерла: комната оказалась почти пустой. Ни ком-

пьютерного стола, ни самого компьютера, ни его любимого мягкого дивана, ни замечательного кресла-качалки, которое он называл «думалкой», – ничего не было. В углу сиротливо стояла старая бамбуковая этажерка с детскими книжками. Алька любила приходить в его рабочую комнату и читать книги, сидя в кресле.

– Что случилось? – У неё затряслись губы, на глаза навернулись слезы. – Папа умер?

Алексей Кириллович кинулся к перепуганной внучке.

– Господи, Алечка! Не плачь, он жив и здоров.

Хлопнула входная дверь. На пороге показалась постройневшая, молодевшая мать. Она схватила дочь в охапку.

– Алька! Вытянулась, загорела, похорошела. – Мария чмокнула её в щеку и обернулась к отцу. – Пап, я на минутку. Еле вырвалась с работы. Ты останешься до вечера или поедешь домой?

– Поеду. На перевале к вечеру обещали дождь, а у меня плохая резина.

– Жаль. А как там мама?

– Хорошо. А вот Алине зря не рассказали. Нехорошо поступили, как трусы, – рассердился Алексей Кириллович.

Алька еле слышно прошептала:

– Мама, что вы мне не сказали?

Мария суежилась и прятала глаза.

– Солнышко, я всё объясню... потом... Ничего страшного не произошло. Ты разложи чистые вещи на полки в шкаф,

а грязные закинь в стиральную машину. Обед разогреете. Я побежала. Пока, папа. Маме привет. Доча, увидимся вечером.

Аля, недоумевающая, наблюдала, как мать старательно отводит от неё взгляд, красит губы, глядя в зеркало, висящее сбоку от вешалки. Мама выглядела и даже пахла по-другому: новая прическа, новая одежда, украшения. Даже на её неискушенный взгляд наряд стоил очень дорого. Алина ростом и статью пошла в дедушку, а мама крохотная, изящная, как бабушка.

Закончив красить губы, она помахала им рукой и скрылась за дверью.

– Дедушка, – в голосе Али явственно чувствовалась паника.

– Алечка, пусть мама сама расскажет, – Алексей Кириллович запнулся: лицо внучки стало бледным до синевы. – Черт бы побрал твоих родителей! Сами натворят и в кусты, а мне, что делать? Живы и здоровы они, только разбежались по разным углам.

– Как это? – растерялась Аля, невольно представляя родителей, стоящих в углу, но в разных комнатах.

– Разошлись. Твой отец снимает где-то квартиру, а твоя мамочка, моя доченька бестолковая, снова замуж собралась, – сердито проворчал Алексей Кириллович. – Только тебе не о чем беспокоиться: они как любили тебя, так и любят. – Давай-ка поставим чаёк и спокойно поговорим.

Алька, оглушённая новостью, поплелась на кухню и, как робот, уселась на табурет.

– То есть папа тут больше не живёт?

– Да.

Дедушка брезгливо поморщился: везде лежал слой пыли. «Понятно, дочь не жила здесь всё лето».

Он взял тряпку и тщательно протёр стол, сполоснул посуду. Закипел чайник. Алексей Кириллович разлил кипяток, опустил пакетики чая в кружки. Не найдя в холодильнике ничего съестного, разозлился: «Знала ведь, что привезу дочь, могла бы приготовить и навести порядок!»

Он покосился на бесцветное лицо внучки – сердце сжалось от боли.

– Ты посиди, а я сбегаю в магазин, возьму, что-нибудь покушать.

Алька безучастно смотрела в окно.

Вернувшись через двадцать минут, он застал внучку в той же позе.

– Алечка, отец больше не живёт с вами, но когда захочешь увидеть его, позвони и он приедет. Погуляете в парке, побеседуете.

В душе Альки образовалась огромная чёрная дыра, она всё разрасталась и разрасталась. Стало больно дышать.

– Он и так редко находил для меня время, а ты говоришь, приедет... погуляет... Его больше не будет с нами, а чужой дядька будет тут шляться. – Алька заплакала злыми слеза-

ми. – Не хочу их никого видеть. Можно, я уеду с тобой обратно?

– Я бы с удовольствием взял тебя, но мама не позволит. Не переживай так. Потерпи немного и станет легче.

– Не станет! – рассердилась Алька. – Они отправили меня к вам и слова не сказали. Им всё равно, что я чувствую. Только о себе и думают!

Алексей Кириллович присел рядом, обнял внучку.

– А ты не будь эгоисткой, прости непутевых родителей. Они никуда не делись, остались твоими папой и мамой.

– Забери меня к себе, бабушка! – снова попросила Алька.

– Внуча, не надрывай мне сердце. Побудь немного с мамой, но если тебе будет плохо, заберу, – пообещал он.

Алька закрыла лицо ладонями и пробормотала:

– Хочу сейчас.

– Так не пойдет, тебе нужно побеседовать с матерью, увидеть отца. Будь умницей. Обещай, что никуда не убежишь. Мне необходимо вернуться в Кишуг до дождя. – У Алексея Кирилловича закололо в сердце. Про себя он ругал и свою дочь, и бывшего зятя за то, что не подготовил девочку к переменам в жизни.

Аля молча проводила деда к двери, буркнула: «До свидания».

Потом обошла квартиру, попутно отмечая отсутствие вещей отца. В горле стоял ком, душа разрывалась от боли.

Она разложила свои вещи на полки в шкафу. Постояла в

родительской спальне, глядя на большую кровать, и вышла на балкон. Алька не заметила, сколько прошло времени до прихода матери.

Мария открыла дверь на балкон.

– Ты меня напугала. Пойдём ужинать, я купила твою любимую пиццу.

Аля угрюмо глянула на мать.

– Спасибо, я уже поела.

– Понятно. Дедушка рассказал. Ну кто его просил... – разозлилась Мария.

Алька понаблюдала с минуту за матерью. Та нервно крутила большой перстень на безымянном пальце левой руки.

– Подарок?

Мать вздрогнула, закрыла перстень ладонью.

– Да. Олег Николаевич сделал мне предложение. Что ты об этом думаешь?

– Ничего. Я хочу жить у дедушки и бабушки, – твёрдо заявила Аля.

Это прозвучало так спокойно и обдуманно, что мать не решилась возразить.

– Хорошо. Только давай так договоримся, ты окончишь в городе седьмой класс. Дальше можешь учиться в Кишуге и жить у дедушки. – Мария рассудила с дочерью лучше сейчас не спорить, а за девять месяцев многое может измениться.

Аля оказалась права: сначала она видела отца каждые выходные, потом раз в две недели, а весной уже раз в месяц. Он нашёл новую работу и окунулся в неё с головой – на дочь времени не оставалось. Аля тяжело переживала развод родителей, стала дерзить и хуже учиться. В ноябре мать вышла замуж второй раз, но новый муж в их квартире не появился.

Совершенно случайно из беседы мамы и её лучшей подруги Алька узнала: он хочет, чтобы они переехали к нему. Олег Николаевич оказался маминым начальником и жил в большом особняке на центральной улице города.

Дня через три после подслушанного Алей разговора, мама сказала:

– Доченька, как ты смотришь на то, чтобы переехать к Олегу Николаевичу? Тебе у него понравится. Дом огромный, красивый, есть бассейн с подогревом и чудесная детская комната. А учиться ты будешь в новой школе, рядом с домом. Очень удобно.

Альке хотелось накричать на неё, пришлось стиснуть зубы, закрыть глаза и считать до десяти. Мария в ужасе смотрела на замершую дочь, рискнула переспросить.

– Что скажешь?

Аля открыла глаза и бесцветным голосом произнесла:

– Мама, зачем ты спрашиваешь, если всё уже решила за меня?

Мария растерялась.

– Ты уже большая девочка. Я хочу знать твоё мнение.

Алю снова захлестнула злость и обида.

– Тебе на самом деле не нужно моё мнение. Скажи честно, уже договорилась о переводе в новую школу?

Мать покраснела и стала нервно поправлять волнистые светлые волосы. У дочери были точно такие же, а вот цвет глаз разный. Мария не раз ловила себя на мысли, что взгляд Алины трудно вынести. Она, например, не выдерживала и всегда отводила взор.

– Договорилась. В начале декабря ты пойдешь в гимназию «Росток». Там получишь лучшее образование.

– А ничего, что мои друзья и подруги окажутся на другом конце города? – выпалила Аля. Предательские слезы покатились из глаз. Ей показалось, что её мир продолжает стремительно разрушаться: сначала ушел отец, теперь она лишится друзей, дома, в котором жила с рождения.

– Ты же у меня умничка, найдешь новых, – пробормотала Мария, желая поскорее закончить тягостный разговор.

– Точно! Это пустяки. Можно поменять: дом, друзей, школу. Ты, мамочка, поменяй ещё дочку, тебе же проще будет! – Альке показалось, всё восстало против неё, и она отчаянно закричала: – Не хочу тебя видеть. Уйди!

– Алечка, успокойся. Не заметишь, как появятся новые подружки.

Через неделю они переехали в трехэтажный особняк Олега Николаевича. Алька за три дня до этого события погово-

рила с отцом. Он не мог взять её к себе: папа тоже женился, забыв сообщить об этом дочери. Молодая жена оказалась действительно молодой. Девушке недавно исполнилось двадцать три года, и ей совсем не хотелось возиться с чужим ребенком. После разговора с отцом, чувствуя себя преданной обоими родителями, она долго гуляла по улицам города, пока не замерзла. Мать встретила криками и упреками.

– Где ты была? Я чуть с ума не сошла, разыскивая тебя! Обзвонила всех твоих друзей, собралась идти в милицию. Ты специально доводишь меня до нервного срыва. Мне и так тяжело, а тут ещё твои капризы.

Алина подняла на мать чёрные непроницаемые глаза, которые на худом, бледном лице горели мрачным огнем.

– Мне тоже нелегко, мама.

Мария вздрогнула: ну откуда у дочери такие глаза. У неё самой светло-карие, у бывшего мужа серые. Иногда ей казалось, она совсем не знает своего ребенка. Подруги, взрослые женщины, почему-то побаивались её девочку. Мария тряхнула головой. Все-таки они с мужем эгоисты, устраивая свою судьбу, думали об Алине в последнюю очередь. Они поженились двадцатилетними. Не окончив институт, она родила дочь. В детский сад девочку отдали в трехлетнем возрасте. Мария нашла работу секретаря в большой строительной компании. Там же спустя семь лет встретила Олега Николаевича.

Она подошла к Але, обняла.

– Прости нас, малышка, мы с папой сильно виноваты перед тобой. – У неё сжалось в горле – дочь приникла к ней всем телом.

Родителям Али исполнилось только по тридцать четыре года, но они казались ей пожилыми.

В огромном доме, куда они перебрались с мамой, Аля чувствовала себя неуютно. Домработница встретила подростка неласково: по её мнению: от детей только лишние хлопоты и уборка. Олег Николаевич доброжелательно говорил с падчерицей, но чувствовалось, ему неинтересна ни сама девочка, ни её проблемы. Даже мама, как заметила Алина, испытывала неуверенность и общалась с ней рассеянно, думая о чём-то своем. В последнее время их беседы протекали по-обычному сценарию.

– Как дела в гимназии? Двоек не хватала?

– Нет. Всё нормально. – Если Аля начинала что-то рассказывать, то часто замечала отсутствующий взгляд матери.

И обижалась: «Зачем спрашивала, если по фигу!»

– Нет, нет. Я слушаю.

– А я уже всё сказала.

Алина скучала по друзьям. Несколько раз ездила в прежнюю школу. Сначала её радостно встречали, расспрашивали, но постепенно Аля стала понимать: они отдаляются. В выходной день она договорилась сходить в кино на дневной сеанс с подругой Катей. Приехала в свой бывший двор и села на лавочку, ожидая одноклассницу. В назначенное время

Катя не появилась. Алина позвонила ей.

– Катька, привет! Ты где, я уже двадцать минут жду тебя во дворе.

– Ой, Аль, прости, я забыла. Мы всем классом на дне рождения у Светы. Приходи сюда. – В трубке послышались звуки музыки и весёлый смех.

– Неудобно как-то, я без подарка.

– Брось, все будут рады тебя видеть. Ждём.

До Алины донёсся голос Светланы.

– Катька, скажи пусть Дольникова приходит, не замораживается.

В трубке телефона снова раздался смех и музыка.

Алька с минуту подумала и решилась: «Почему бы и не пойти. Увижу сразу весь класс».

Света жила на первом этаже. В подъезде Аля натолкнулась на группу мальчишек одноклассников. Они с видом заправских курильщиков небрежно держали сигареты двумя пальцами и стряхивали пепел в жестяные банки из-под пива.

– Кто к нам пришёл?! Дольникова! – поприветствовали её ребята.

Девочки тоже обрадовались появлению Алины. Чуть погодя после вопросов о том, нравится ли ей в новой школе, какие там учителя? Одноклассники постепенно заговорили о своём. У них появились общие от неё тайны и дела. Аля ощутила себя чужой.

В апреле она не поехала к бывшим друзьям, а они пере-

стали ей звонить.

Аля чувствовала себя никому не нужной и одинокой. Часто плакала у себя в комнате, и только разговоры по телефону с бабушкой и дедушкой поддерживали дух. Ни к новой школе, ни к ученикам Алька так и не привыкла. Упрямство не позволяло ей скатиться на тройки, но угрюмый и недовольный вид сделали своё дело – с ней не хотели дружить одноклассники. Дерзкую, черноглазую школьницу невзлюбили и учителя.

В мае Алина ожила и повеселела. Она твёрдо решила жить у родителей мамы. Настроение сразу поднялось, и на хмуром лице Альки наконец появилась улыбка. На это обратил внимание даже вечно занятый Олег Николаевич.

– Машенька, а у твоей дочери замечательная улыбка. Глядя на неё, хочется самому улыбаться.

– Ну слава богу, Алька воспряла духом, – обрадовалась Мария. – Я не знала, как сообщить, что через четыре месяца у неё появится братик.

Олег Николаевич ласково обнял жену и, как ребенка, погладил по голове.

– Я так счастлив. Аля привыкнет. Всё будет хорошо.

– Надеюсь. На неё слишком много всего свалилось.

За ужином Олег Николаевич подмигнул Але и торжественно произнёс:

– У нас для тебя новость. Машенька, лучше ты скажи.

Мария опасливо покосилась на лицо дочери, в миг став-

шее настороженным.

– Алечка, можешь нас поздравить. У меня будет ребёнок.

– Мальчик. Твой братик, – добавил отчим.

Алина немного подумала, не зная огорчиться ей или радоваться. Потом спокойно сказала:

– Поздравляю.

В начале июня, несмотря на уговоры матери, попросила отвезти в Кишуг. Алька собрала вещи и приготовилась к отъезду.

В первый раз она отправлялась в деревню с тяжёлым сердцем. Прошедшие девять месяцев оказались для неё очень трудными. Но чем ближе они подъезжали к Апшеронскому району, тем легче становилось на душе, словно все печали и тревоги оставались в городе.

Прежние друзья по летним приключениям Жанна и Максим уже приехали в Кишуг. Аля не успела вынести из машины вещи, как они появились возле дома дедушки Алексея.

– Привет! А мы здесь уже четыре дня, – объявил Макс. Он имел несколько одухотворённую внешность: высокий лоб, удлинённое лицо, выразительные голубые глаза.

Аля увидела, что в этом году светлые волосы друга стали длиннее, впору завязывать хвостик. Жанна обняла и поцеловала её в щёку.

– Как здорово, что ты приехала. Веселее будет. Мы поможем занести вещи. – Подруга подняла небольшую сумку и потащила в дом.

Макс взял большой баул. Алька заметила, что он вырос, стал крупнее и выше. На руке, в которой он нёс сумку, вздулись мускулы. Она почему-то смутилась и покраснела.

Олег Николаевич улыбнулся, ему понравилась подростки: и эта приветливая рыжеволосая девочка, и вежливый, воспитанный мальчик. Может, и правда, падчерице здесь будет лучше.

На второй день после возвращения Али в село друзья отправились к дольменам. Она приветствовала «богатырские хатки», как родных.

А на третий день пребывания в Кишуге её разбудил странный звук. Кто-то постучал в окно. Так она познакомилась с лисой и вороной. В первый раз Алька не смогла пройти через портал. На следующий день до рассвета собиралась повторить попытку.

Ключья белёсого тумана висели на кустах, путались в стволах дубов и буков. Алька с большим трудом ориентировалась в лесу. В прошлый раз к дольмену вела Рыжуля, а она двигалась следом. Теперь же знакомая тропинка больше не была знакомой. Все стало загадочным и странным. Серые деревья и кусты возникали из тумана, как призраки. Было удивитель-

но тихо. Не пели птицы, деревья не шелестели листвой, не слышалось ни единого звука. Только неожиданно резкие запахи тревожили обоняние. Пахло грибами, прелой листвой, травами и цветами, попадающими на пути. Она тряхнула коротко стриженными волосами, повлажневшими от росы, и улыбнулась в предвкушении чуда.

У входа в дольмен сидели ворона с лисой.

– Мы должны её предупредить, – сказала Рыжуля, обращаясь к Каре.

– Знаю, но тогда мы можем потерять единственную возможность спасти дерево, – возразила ворона.

Лиса рассердилась:

– Но так будет честнее.

Заинтригованная Аля поинтересовалась:

– О чем вы?

– Когда пройдешь через портал, ты навсегда изменишься.

В Первичном мире к тебе вернутся некоторые способности, которыми обладали твои предки, – пояснила Кара.

– То есть, я буду понимать животных и птиц? – обрадовалась девочка. – Это же здорово!

– А ещё, пусть изредка, но сможешь улавливать мысли других людей и станешь изгоем среди них, – нахмурилась лиса. – Ты хоть понимаешь, как тебе будет тяжело. Нам с Карой тысяча лет, но иногда едва терпим людские мысли. Мы невольно обрекаем тебя на страдания. После перехода ты станешь смотреть на мир другими глазами – это создаст

трудности в общении.

– Ну что ж, вы честно предупредили меня, – пожалала плечами Аля. – Идёмте, скоро рассвет.

Она полезла в отверстие. Пришлось подождать несколько минут, пока первый луч солнца не сверкнул в дольмене.

– Менгиры в Англии – это тоже порталы? – спросила Алька Кару.

– Да. Для передвижения по планете. Для этого не нужны огромные камни. Просто Стоунхендж перемещал целые деревни, поэтому его и выстроили таким большим. Остаточная энергия уходит в камни и аккумулируется в них. Собственно, для этого камни и нужны.

Наконец луч света проник в дольмен, и Рыжуля, успев подбодрить Алю, проскользнула сквозь стену. Не раздумывая, девочка шагнула за ней и оказалась в странном, непонятном месте, освещённом золотистым светом. Она вскрикнула от удивления: не было ни неба, ни земли, только бесконечное голубовато-золотистое пространство вокруг.

– Я упаду, – испугалась Аля и зажмурила глаза.

– Некуда падать: ты частица этого мира, – успокоила Рыжуля и полетела вперёд.

Алька открыла один глаз, потом другой, опасливо шагнула, оказалось: она тоже летит. От восторга запела душа. Дышалось здесь легко и свободно. Тело обволакивало чистой, радостной энергией.

Впереди весь видимый горизонт занимало огромное де-

рево. Аля взгляделась, и заметила: само оно было небольшим, но его прозрачная крона и корни пронизывали всё вокруг. Когда они приблизились, оказалось: дерево чуть больше Али. Сквозь кору, похожую на матовое стекло, просматривалась белоснежная сердцевина. Ветви опустились. Листья разного оттенка завяли и потускнели.

– Что я должна сделать? – поинтересовалась Алька.

Кара клювом вытащила перо из своего крыла и протянула гостье. Аля взяла перо и недоуменно посмотрела на ворону.

– Уколи им пальцы на руках и обхвати ствол дерева, – пояснила Кара.

Девочка дотронулась пером до подушечки пальца и вскрикнула: кончик пера оказался очень острым. Он мгновенно проткнул кожу, выступила капелька крови. Уколов пальцы, Аля приложила руки к стволу дерева. Листья затрепетали на ветках и стали окрашиваться в радужные, сверкающие оттенки. Перед мысленным взором Альки замелькали столетия и века.

Она видела, как зло и нажива овладевали людьми, и они перестали понимать друг друга. Жестокость и ненависть придавили их к земле – больше никто не мог летать. Рушились империи, завоеватели уничтожали целые народы. Возводили дворцы и храмы. Картинка сменилась видом гибнущей планеты, по ней текли заражённые реки, отравленная земля растила чахлые деревья и травы. Но вот изображение исчезло. Альке показалось: она видит землю из космоса.

Планету окутывало сияние.

– Что случилось? – пересохшее горло с трудом вытолкнуло слова. Алька тяжело дышала.

– Ты только что дала своему миру ещё один шанс, – сообщила Кара. – Можешь отойти, дерево больше не возьмет твою кровь. Оно ожило и получило нужную ему энергию.

Аля отлетела от дерева и залюбовалась им: весело шелестела разноцветная листва, искрясь в лучах света.

– Что это за прозрачные корни и крона, они занимают всё видимое пространство?

– Это информационно-энергетические потоки, корректирующие другие миры, – пояснила Рыжуля.

Але показалось, что улыбка мелькнула на белой мордочке лисы. Заметила, что тела лисы и вороны странно мерцали и меняли облик. В какой-то момент вместо обычного вида зверя и птицы проявилось нечто другое.

– Кара, Рыжуля, что с вами?

– Не волнуйся, девочка, всё в порядке. Для вашего мира мы приняли облик существ из сказки, а в своём мы выглядим иначе. Но мы так долго прожили в таком виде, что настоящая внешность вернётся нескоро.

– Понимаю. Вы не могли появиться у нас как инопланетяне, – предположила Аля. – А как вы выглядите по-настоящему?

– Просто сгустки мыслящей энергии. Теперь понимаешь, что никакой крови в нас нет, но мы можем принять любую

форму, – пояснила Кара.

– То есть в ваших жилах не течет кровь, – изумилась девочка.

– Почему же, течет, мы полностью преобразовались в птицу и зверя, но эта кровь не годится для дерева, – добавила Рыжуля. Белоснежная шерстка лисы искрилась, будто снег под солнцем.

Алька присмотрелась – по белым перьям Кары проскакивали искорки.

– Интересно, а почему выбрали образы вороны и лисы?

– Мы подумали: медведя и волка люди бы испугались, а лебедю или допустим журавлю, сильно удивились. Вороны вездесущи, лисы же обычное явление в лесах и полях. В городе тебя разыскала Кара, там я не могла появляться, – ответила Рыжуля.

– Ты тоже седая? – обратилась Аля к вороне.

– Нет. Я действительно Белая ворона.

– Пора. Мы проводим тебя, – ласково произнесла лиса. – Алина, ты не осознаешь, поэтому просто поверь нам. Сегодня ты сделала большое дело. Мы придем за тобой через шесть месяцев, чтобы снова провести через портал.

Кара взмахнула крыльями и добавила:

– Если тебе понадобится помощь, приходи на рассвете к дольмену. Мы почувствуем тебя и выйдем.

У входа в дольмен они попрощались. Алка погладила шерстку лисы и рискнула дотронуться до взъерошенных пе-

рьев на голове птицы.

– Мы ещё не раз встретимся, – пообещала Рыжуля.

Голова Альки гудела от голосов птиц и животных. Она не воспринимала их в виде слов, да и вряд ли животные думали и говорили, как люди. В голове это смешалось в какофонию звуков и эмоций. Одни птицы пением привлекали внимание к себе, другие ссорились из-за гнезда, третьи криком сообщали об опасности – теперь Аля понимала, что означают все эти звуки. В общий шум вплеталась боль и раздражение какого-то большого животного, радость мелкого зверька. Она не могла отделить звуки друг от друга. Оглушенная ими, еле плелась по лесу.

«Что ж, придется с этим жить», – вздохнула Аля, осознавая предстоящие трудности.

Дома стало ещё хуже. Добавились голоса домашних животных. Сильно разболелась голова. Алька попросила у бабушки таблетку и, заткнув уши ватой, улеглась на диван подремать. Вата совершенно не помогала: голоса раздавались прямо в мозгу.

Проснулась от того, что кто-то тряс за плечо. Открыла глаза и увидела склонившуюся над ней встревоженную бабушку. Аля села на диван, откинула клетчатый плед, которым укрывалась, в сторону.

«Тишина. Ни единого постороннего звука. Только едва слышный голос бабушки».

Алька вынула из ушей комочки ваты.

– Ах, вот оно что! – воскликнула Анна Григорьевна. – Я звала тебя, звала, а ты не просыпаешься. Уже начала нервничать. А ты, негодная девчонка, уши заткнула. Где опять шастала? – Она показала на грязные кроссовки внучки.

«Блин! Ведь собиралась помыть, но из-за шума в голове, забыла. Опять попалась. Только зря затыкала уши: голоса звучали внутри головы, их ватой не заглушить».

– Бабуль, я в саду гуляла.

– Лгунишка! Ничего, вот пожалуюсь деду, пусть с тобой разбирается. Уже полдень. Иди обедать, – бабушка, недовольно бормоча, вышла из комнаты.

Алька потрясла головой. Тихо. Утром она сильно перепугалась, думая, что ужасающий шум в голове будет звучать теперь постоянно. После нескольких часов сна звуки исчезли. Появилось странное ощущение, будто внутри черепа образовалась пустота, и, если постучать по лбу, отзовется гулкое эхо. Аля, напрягая слух, прислушалась и тут же вздрогнула. В мозг ворвался радостный визг соседской собаки – Джульбарса. Откуда-то ясно и четко она знала: пес бежит рядом с хозяйкой и в восторге от полученной свободы, прыгает и повизгивает от счастья. Аля замерла – звук исчез, словно выключился. Сосредоточилась – в голове появилось довольное бормотание кур. От их удовлетворённости жизнью стало смешно. Она не понимала, что они там бормочут, просто ощущала сытое довольство птиц. Аля сконцентрировалась, пытаясь выделить отдельную курицу, – у неё получи-

лось! Перед глазами возник неясный образ чёрной курицы, бегающей по двору с червяком в клюве.

«Вот это да!» – восхитилась девочка.

Образ и звук исчезли.

«В голове после сна, сам собой навелся порядок. А я уж начала волноваться, что могу чокнуться», – обрадовалась Аля. Сложив плед, привела себя в порядок и вышла во двор.

– Не прошло и полчаса как ты явилась к столу, – рассердилась бабушка. – Лёша, ты должен поговорить с ней. Вот где бродила утром?

Замечательное настроение Альки не могло испортить даже недовольство бабушки.

– Бабулечка. – Аля обняла её и чмокнула в щеку. – Честное слово! Я ничего плохого не сделала.

Анна Григорьевна потрясённо замерла. У внучки впервые за долгое время появилось счастливое выражение на лице. Она буквально сияла. Бабушка облегченно вздохнула: неужели оттаяла душой, и теперь наконец всё наладится.

– Ладно, подлиза, садись к столу. Подам суп. – Анна Григорьевна украдкой смахнула слезу и отправилась на кухню за супником.

– Я верю, что не сделала ничего плохого, но всё-таки объясни, где ты была? – Алексей Кириллович отложил газету в сторону и серьёзно посмотрел на внучку.

– Обязательно расскажу, но после. Ладно?

– Хорошо. – Дед отрезал от буханки хлеба горбушку и по-

дал Альке. – Как ты любишь с хрустящей корочкой.

Полный муки и боли мысленный зов соседской собаки и её полузадушенный визг Аля услышала во время ужина. От неожиданности в горле девочки застрял кусок хлеба. Она откашлялась и просипела:

– Дедушка, пошли к тётё Даше. У них что-то случилось с собакой. Джульбарс мучается и жутко воет, а они не слышат.

Алексей Кириллович замер. Тишина.

– Тебе показалось.

– Дедушка, пожалуйста, пошли к ним. – Аля закусила губу, сдерживая крик. С лица исчезла все краски.

Алексей Кириллович поднялся, отхлебнул недопитый чай.

– Ну, хорошо.

Аля поспешила к соседской калитке и нажала на кнопку звонка.

Дед вытер вспотевший лоб носовым платком.

– Еле догнал. На пожар спешим?

Соседка Даша вышла на крыльцо, посмотрела на незваных гостей.

– Кириллыч, что-то случилось?

– Даш, ты извини, конечно, но внучка говорит: «Твой Джульбарс уж больно жалобно скулит. Может, с собакой ка-

кая беда приключилась».

– Тетя Даша, вы разрешите нам зайти? – Аля нетерпеливо переступала с ноги на ногу.

– Да ради бога, проходите. – Даша пожала плечами и открыла калитку. – И сейчас скулит? – Соседка с сомнением посмотрела на девочку.

Аля всё ещё принимала новые и новые волны боли от Джульбарса.

– Он почти задохнулся.

Соседка поспешила в хозяйственный двор туда, где на цепи сидела собака. Беспородный пес, носящий гордое имя, запутался цепью в сетке-рабице и теперь хрипел от удушья.

– Джулик, как же ты так ухитрился... – Даша с помощью Алексея Кирилловича распутала цепь и освободила собаку. Оказалось шерсть под ошейником содрана до голой кожи, с правой стороны шеи у собаки зияла рана, но Джульбарс скакал от радости и пытался лизнуть хозяйку в лицо.

Даша ладошкой смахнула выступившие слёзы.

– Спасибо, соседи! Чуть не погиб пес, а мы, долдоны, не слышали. Сейчас сниму ошейник и обработаю рану. Пусть Джулик побегает на воле.

Аля получала от собаки такие огромные волны счастья и радости, что заулыбалась сама.

Они вернулись домой и продолжили прерванный ужин. Алексей Кириллович подробно ответил на вопросы жены о происшествии.

– Не знал, внучка, что у тебя такой тонкий слух, – восхитился дед.

Алька смутилась.

– Он появился недавно.

– Насчет недавно. Всё-таки я хочу разобраться, где ты гуляешь по утрам?

Бабушка сложила пухлые ручки на груди и попыталась грозно посмотреть на внучку. Правда, получилось это негрозно, а скорее смешно. Анна Григорьевна имела небольшой рост – метр пятьдесят и приятную прямо таки детскую полноту. Аля давно смотрела на свою бабушку сверху вниз. Ещё прошлым летом она обогнала бабушку в росте на пятнадцать сантиметров.

– В нашем саду слушала пение соловья, – не моргнув глазом, соврала Алина.

– Вот дед, а мы дрыхнем. А ведь когда-то тоже слушали соловьев на рассвете, – Анна Григорьевна мечтательно вздохнула.

– В чём проблема? Завтра подниму тебя пораньше, – хмыкнул Алексей Кириллович. – Посидим на мокрой травке, как в молодости.

– Да ну тебя, – отмахнулась бабушка и стала убирать посуду со стола.

Летом их семья обедала на улице в беседке, оплетённой диким виноградом. Дедушка провёл в беседку свет и вечерами они подолгу чаевничали. Здесь маленькая Аля слуша-

ла самые интересные и захватывающие истории, которые он рассказывал. Иногда она засыпала за столом, и Алексей Кириллович уносил внучку в дом. Этим летом в беседке появился крохотный диванчик – стало ещё уютнее. Аля вымыла посуду и уселась на диван с книжкой.

– Внуча, возьми трубку, мама звонит – крикнула бабушка из кухни.

Аля нехотя поднялась. Прошла неделя с момента её приезда в село. Мария звонила несколько раз, но поговорить с дочерью не удавалось. Аля ухитрилась не слышать звонков и не брать трубку. Мария побеседовала с матерью, отцом, они уверили её, что с девочкой всё в порядке.

– Внуча, нельзя так с матерью, она переживает. – В беседке появился дед с трубкой в руке. – Перезвони.

Аля молча взяла телефон и набрала номер.

– Здравствуй, мама. Как у вас дела? – отвратительным, но вежливым тоном произнесла она. – У меня всё замечательно. Здорова. Кушаю хорошо. Пока. – Аля положила мобильник на стол.

Алексей Кириллович присел на табурет, положил большие, загорелые до черноты руки на стол.

– За что ты казнишь мать? В чем суть твоей обиды? – поинтересовался он.

– Можно подумать, мне не на что обижаться, – буркнула Аля и демонстративно открыла книгу.

– И все-таки я хочу знать, – настаивал дед. Его кустистые,

густые брови сошлись на переносице, в глазах промелькнула досада.

– Они предатели.

Алексей Кириллович спокойно произнес:

– Обоснуй.

Порой Аля ненавидела учительское прошлое дедушки, он въедливо докапывался до сути, а ей не хотелось обнажать перед ним душу. Иногда обнаруживалось такое...

– Что тут неясно. У меня были мама и папа, а теперь у них свои семьи. У папочки – молодая жена. У мамы – муж, и будет ребёнок. А я оказалась лишней. Ты что, дедушка, не понимаешь, я им не нужна! – повысила голос Алька. Обида поднялась из глубины души и теперь жгла словно, кислота. – Они разбежались втихаря и даже не удосужились мне объяснить. Будто я никто. Пустое место. Им всё равно, что я чувствую. Мама перевела меня в другую школу, даже не спросив, будто я вещь. Они украли у меня всё: друзей, дом, к которому я привыкла. – Глаза девочки превратились в чёрные бездонные колодцы. В их глубине вспыхивали и гасли огоньки.

Алексей Кириллович дотронулся до руки внучки.

– А теперь послушай, что я тебе скажу. Вина твоих родителей в том, что они трусили поговорить с тобой, как с взрослым человеком. Они считают тебя ребёнком, не способным их понять. Между твоими родителями уже четыре года нет ладу, но они скрывали это от тебя. Так уж случает-

ся, что иногда чувства между мужчиной и женщиной гаснут. Все эти года они жили вместе только ради тебя, но, сколько можно притворяться? У мамы появился другой мужчина, у папы другая женщина. Ты бы хотела, чтобы родители и дальше притворялись?

– Нет! – вскрикнула Аля. – Я хочу, чтобы они любили друг друга, и мы остались семьей.

Алексей Кириллович погладил внучку по плечу.

– И я хочу. Но жизнь штука сложная, не всё, что мы хотим, сбывается. Выслушай меня спокойно. Твой папа, мечтал, что ты подружишься с его Лерой. Они собирались взять тебя в Египет. Даже путевки купили. Отец думал, ты поладишь с Валерией. И что же произошло?

Алька опустила голову.

– Я сказала: «Не желаю видеть её на месте мамы».

– Он говорил тебе про поездку?

– Что-то говорил, я не стала слушать. Я папе сразу объяснила: «Никуда с ней не поеду», – пробормотала девочка.

Дед прищурился и посмотрел на склонённую голову внучки. Ему было жаль Алю, но он не собирался потакать её обидам.

– То есть попытки наладить хоть какие-то отношения, ты отвергала? А когда он всё-таки вас познакомил, что ты сделала?

Алька вскинула голову, во взоре сверкало упрямство.

– Не стала с ней разговаривать.

– И всё?

Аля непонимающе уставилась на деда.

– Всё.

Алексей Кириллович сложил руки на груди.

– Внуча, давай начистоту. В тебе есть что-то необычное. И я, и бабушка, наверно, и отец с матерью давно это поняли. Твой взгляд, если ты злишься, редко кто может вынести. Ты – наша инопланетянка.

– Давно вы заметили? – Аля выпрямилась на диване и отложила книгу в сторону. Не выдержав, отвела взгляд от лица деда, внезапно заинтересовавшись мотыльками, танцующими вокруг лампы.

– Давно. Скорее всего, ты обладаешь природным гипнозом или что-то вроде этого. – Алексей Кириллович налил из графина стакан воды и залпом выпил его. – Честно сказать, я втайне гордился тобой. А как растут посаженные тобой цветы – красота. У тебя дар божий. Береги его. А сегодня обнаружился ещё и редкий слух. Но мы отвлеклись. Ты напугала избранницу отца до смерти. Она тебя жутко боится.

Аля возмутилась.

– Я ничего не делала. Просто смотрела на неё.

– Вот, вот. Отец клоуном вертелся, пытаясь тебя разговаривать. Она старалась с тобой общаться, но ты у нас гордая и обиженная. Просто смотрела, но как...

Аля сжала кулаки.

– Я не хотела её видеть.

Алексей Кириллович сел на диван, обнял внучку за плечи.

– Верю. Но и она не обязана из кожи лезть, чтобы развлечь тебя. В общем, отношения ты испортила. Теперь перейдем к маминой ситуации. Олег Николаевич терпеливо ждал три года, когда Маша разведётся и осмелится сказать о нём дочери. Ты ещё мала и не можешь знать, каково ему было. Наконец они решили пожениться. Ты хотела, чтобы он жил в вашей квартире? При том, что в центре города у него дом?

– Я ничего не хотела! – разозлилась Алька.

– Нет, почему же, ты хотела, чтобы всё осталось по-твоему. Но моя милая девочка, ты не пуп земли. Вот ты шумишь, что они о тебе не подумали. А ты о них думала? Встань хоть раз на сторону отца и матери. Отбрось свой эгоизм. Если ты их любишь, пожелай им счастья. Я знаю, ты сможешь переломить себя. Ты у меня умница.

– Все равно я не буду жить с мамой, – сказала Аля упрямо.

– А вот это уже твоё право. Ты должна простить родителям ошибки. И попробовать наладить отношения с их избранниками. Поверь, ты сделаешь маму с папой по-настоящему счастливыми.

– Алька! – послышался с улицы крик.

– И чего орать, как на пожаре. Собаки во дворе нет. Скажи друзьям пусть заходят напрямик во двор и не горланят под калиткой, – улыбнулся дед.

Вода в речке не успела прогреться, но вся местная детвора уже открыла купальный сезон. Река Агоя брала своё начало далеко в горах. Сначала это был теряющийся в лесу ручей, который пополняли многочисленные родники. Ближе к селу Кишуг Агоя уже полноправно называлась рекой, не слишком широкой и глубокой, но с норовом.

Алька, выбивая зубами дробь, быстро натягивала футболку и шорты. Жанна и Макс оделись чуть раньше и успели разжечь огонь. Перед купанием дружная троица натаскала сушняка для костра. Они собирались печь картошку. Аля захватила из дому сосиски и хлеб, Жанна принесла помидоры, а Макс опустил в воду возле берега бутылку кваса.

– Давай поближе к костру, – Максим откинул со лба мокрые волосы.

Аля закуталась в полотенце и села на бревно рядом с друзьями.

– Держи. – Жанна протянула другу прутик с нанизанной сосиской.

– Здорово! – Макс, обжигаясь, откусил чуть пригоревший кусочек хлеба. – Дома не бывает такой вкуснятины. С дымком.

– Аль, а почему ты была расстроена, когда мы пришли за тобой? Со стариками поругалась? – поинтересовалась Жанна.

Подруга обладала одной особенностью: она чутко улавли-

вала перепады настроения у людей. Алина хотела отшутиться, но вдруг передумала. Ей захотелось узнать мнение друзей.

– У меня родители развелись, – буркнула она.

Жанна отреагировала спокойно.

– И чего?

Аля удивилась:

– Нет причины радоваться.

Максим покосился на неё и промолчал. Жанна хмыкнула:

– Мои развелись ещё два года назад. Сначала я чуток попереживала, пока соседка не подсказала: «Жанчик, не будь душой используй ситуацию в свою пользу».

Ты ничего не сказала нам прошлым летом, – растерялась Алина. – Я бы поддержала тебя.

– И я, – добавил Макс.

– А не надо поддерживать. Ничего страшного не произошло. Я теперь в шоколаде. Пожалуюсь папочке, что не хватает денег на спортивную форму, добавлю пару слов о том, как трудно без него малолетней дочери. Он и растает. А я на эти деньги покупаю, что хочу. Маме пропою песенку, что её доченька выглядит хуже всех в классе. Она в лепешку расшибется, но новые джинсы и платье купит. Увидела у папиной подруги классный телефон, сказала (тут главное слезу вовремя пустить), что всегда мечтала о таком, но мама получает мало и никогда мне не купит. Опля и телефон мой. Только время от времени нужно напоминать им: «Вы разби-

ли мне сердце, но я вас люблю и вы лучшие родители на свете». На карманные расходы я получаю и от папы, и от мамы. Они прям как дети. Отец говорит: «Только не сообщай маме, сколько я тебе дал, а то будет ругать». Счас! Я что идиотка признаваться. Ты поняла, как надо делать? Только не забывай, что и кому говорила. Не спались. – Жанна вытерла губы, выпачканные в саже, и попросила Максима: – Принеси квас. Пить хочется.

Пока она разглагольствовала, Алька смотрела на неё и не верила: ну не может подруга так поступать. Вероятно, она шутит. Не может весёлая, милая Жанна манипулировать родителями. Они знакомы три года, с тех самых пор, как родственники Макса и Жанны купили жильё в селе Кишуг. Аля с трехлетнего возраста гостила в деревне. К большому сожалению, в переулке, где жили бабушка с бабушкой, детей кроме неё больше не было, поэтому она так обрадовалась появлению на улице рыжеволосой девочки и серьезного мальчика её возраста. Это была большая удача. С июня по сентябрь друзья купались в речке, загорали, бродили по лесу, вместе читали любимые книги, играли. Дружно отстаивали крохотный песчаный пляжик, который сами и расчистили, от посягательства местных мальчишек. Они расставались осенью до следующего лета со слезами. Друзья жили в разных городах и в остальное время только перезванивались. Сейчас Алька смотрела на подругу и не узнавала её в циничной девочке, рассказывающей, как обмануть родителей.

– Ну ты даешь! – не то с восхищением, не то с удивлением произнёс Макс.

– Ты, наверно, обиделась на них и таким способом мстишь! – догадливо воскликнула Алька.

Жанна, расчёсывая щёткой спутанные волосы, хмыкнула.

– Обиделась? Да я до смерти рада, что они разбежались. С самого раннего детства слышала крики и ругань. Родители шумно ссорились, поднимая всех на уши, а потом активно мирились. Мама папе едва глаза не выцарапывала. И вот наступила тишина. А они пусть считают, что нанесли своей девочке тяжелую душевную травму. Кстати, выходить замуж я не собираюсь, спасибочки, посмотрелась. У отца есть старшая сестра уже в возрасте, ей тридцать лет исполнилось. Она не заморачивается с замужеством, живет для себя. У неё хорошая работа, квартира, каждый отпуск за границу ездит. И я так хочу.

– Эх, неудача, – засмеялся Макс, касаясь пышных рыжих волос Жанны. – Думал, вырасту, женюсь на тебе, а тут такой облом.

Друзья захохотали. Аля растерянно улыбнулась: «Оказывается, мне повезло с родителями. А вот Жанна совсем не такая, какой я её считала». Это открытие было не очень приятным.

– А вы знаете, что в замок кто-то заехал. Вчера грузчики весь день вещи разгружали, – сообщил Максим, вытирая носовым платком испачканные в золе руки.

Он всегда первым узнавал новости в селе. А ещё ухитрялся оставаться чистым и опрятным во время прогулок по лесу, после купания в реке и даже сейчас у костра. Алька недовольно посмотрела на свою помятую футболку, сажу на руках и подумала о себе: «А я неряха».

Замком они называли дом, который строился в их переулке почти два года и действительно напоминал замок. У этого странного строения имелись три башенки, стены с зубцами и островерхая крыша. Вокруг дома строители поставили высокий железный забор и тяжёлые кованые ворота. Вся эта постройка не вписывалась в окружающий пейзаж своей кричащей яркостью красок: жёлтые башенки, красная крыша, фиолетовые стены. Аля, глядя на эту «красоту», представляла себе сумасшедшего дизайнера с гривой длинных волос и безумным взором.

– А кто заехал? Самих хозяев видел? – поинтересовалась Жанна, заплетая косу.

Дом бабушки Макса был ближе всех к замку.

– Какой-то толстый мужик, худая растрепанная женщина и девчонка нашего возраста.

– О! Надо с ней познакомиться, – воскликнула Жанна и нанизала на прутик следующую сосиску.

– Если ей станет скучно, сама с нами познакомится, – спокойно произнёс Макс.

Аля с первой же их встречи этим летом заметила, что Максим изменился и стал более уверенным в себе. Он боль-

ше не был тем застенчивым и робким мальчишкой, каким она его помнила. Макс не походил на её голенастых, нескладных одноклассников. Благодаря своей романтической внешности идеально бы подошел на роль принца в каком-нибудь фильме.

– А мне кажется, мы, как аборигены, должны пригласить её в свою компанию, – заявила Жанна, наблюдая за крупной бабочкой оранжевой расцветки, кружащейся над стаканчиком с квасом. – Что скажешь, Аль?

– Как хочешь. – У Алины не возникло желания добавлять в их компанию новую девочку.

– Ладно. – Жанна доела сосиску, вымыла руки в реке и принялась складывать свои вещи в пакет. – Ну что, по домам. – Завтра, как договорились, идем за грибами.

Бабушка при появлении Али на пороге дома повела носом.

– Фу, внуча, быстро купаться, от тебя за версту несет цыганщиной.

Алька прошла через двор к огороду. Там на свободном от деревьев пятачке дед установил летний душ. Вода уже успела остыть, но была ещё приятно теплой. Она приняла душ, смыла с себя дым и гарь костра.

– Ужинать будешь? – Анна Григорьевна выглянула из кух-

ни.

– Нет. Мы в лесу так наелись, что до сих пор пузо болит. – Алька похлопала себя по впалому животу, вызвав улыбку у деда, сидящего на диване.

– Если хочешь чаю, наливай сама. Ой, реклама закончилась, – добавила бабушка и скрылась в кухне.

– Что она смотрит по телевизору? – поинтересовалась Аля.

– Двухсотую серию мексиканской белиберды по девятому каналу, – усмехнулся Алексей Кириллович. – Очередная Хуанита в который раз теряет память или ребенка. Я начал думать, что тамошние бабы слабы на голову. Наша грохнется и ничего, вскочила и дальше побежала. – Дед засмеялся: – У бабушки медицинское образование, тридцать лет в больнице проработала, а верит всему, что показывают по телевизору.

Анна Григорьевна зашла в беседку и, услышав последнюю фразу мужа, обидчиво возразила:

– Ничего подобного, я не легковерна, просто мне интересно следить за судьбой героев.

– Опять реклама? – осведомился дед.

Бабушка кивнув, собрала тарелки со стола и пошла назад в кухню.

Аля налила в тяжёлую глиняную кружку чай и озадачила деда.

– У тебя так случалось, ты думаешь о человеке одно, а он оказывается совсем другим?

Алексей Кириллович отложил газету.

– Много раз. Только правильнее сказать, не человек оказался другим. Другим о нём оказалось наше представление.

– Ой, как ты дед мудрено выразился, – фыркнула Алька.

– А ты не бойся, скажи, кто тебя разочаровал?

– Понимаешь, у Жанны родители тоже развелись. Она научилась использовать их обоих и считает это правильным.

Алексей Кириллович подпёр щеку рукой. «Быстро же повзрослела внучка, а казалось только вчера мыла пупсов в чашке с водой и кормила их зелёными ягодами с кустов».

– То есть, ты полагала, что она не способна плохо поступать. А оказалось, вполне способна. Расстроена? – Он посмотрел на невесёлое лицо внучки.

– В общем-то, да. Мне не понравилось то, что она сказала. – Аля вдруг почувствовала себя неловко. «Что это я, как доносчица, докладываю о подруге».

Дед словно прочёл её мысли.

– Ты не обижаешь Жанну, просто советуешься со мной. Понимаешь, внуча, иногда друзья обманывают наше ожидание, но это не их проблема. В данном случае это твоя проблема, не Жанны. Тебе не понравились её поступки, ты расстроилась. Подругу ты знаешь три года, она не может стать другой за одну минуту. Или ты её плохо знала или не захотела понять. Почему она так себя повела?

Алька пожала плечами.

– Потому, что ей так удобно?

– Злясь на родителей, ты тоже не отличалась ангельским поведением, – напомнил дед.

– Жанна сказала, что она рада их разводу потому, что в семье были постоянные скандалы, – нехотя призналась Алька.

– А тебе не пришло в голову, что она таким способом, может, даже неосознанно мстит за несостоявшуюся семью. Ты жила с родителями до тринадцати лет и считала, что у них всё хорошо. У тебя была семья, счастливое детство, а у неё нет. Жанна не признается, но в душе она всегда мечтала о дружной, любящей семье и теперь просто сводит счеты с родителями. Её скорее нужно жалеть, чем отворачиваться и презирать. – Алексей Кириллович потянулся за чайником. – Пустой. Согрей-ка ещё водички. – И протянул Альке чайник.

– Только не заходите далеко, заблудитесь, – напутствовала Анна Григорьевна внучку, протягивая небольшую корзинку. – Ножик не забыла? Бутерброды взяла? Воду положила?

– Бабушка! Что ты со мной, как с маленькой. Всё взяла. Далекое не пойдем, обещаю, – отвечала Алька, шнуруя кроссовки. «Интересно, все к старости становятся надоедливыми и по десять раз повторяют внукам одно и то же, будто мы малолетние недоумки».

Максим сидел на бревне возле речки в одиночестве. До-

машиня одежда на нём выглядела, как новая. Голубая рубашка выглажена, обожаемая им жилетка с множеством карманов, застегнута на молнию. На белых кроссовках – ни пятнышка. Аля покосилась на свою серую от пыли обувь, да ещё и в пятнах зелени.

«Как он ухитрится не пачкаться. Словно шёл не по грунтовке, а летел по воздуху».

– Привет. Жанна задерживается?

– Как видишь. Она звонила, что будет через пять минут и не одна, а с девочкой из замка. – Макс протянул ей заостренный прутик. – Сыграем в крестики-нолики?

Аля взяла палочку и начертила на влажном песке квадрат.

– Чур, я крестик. Начинаю первая.

Они сыграли десять партий с переменным успехом. Пять минут превратились в полчаса.

– Ну и где они? – Макс отбросил прутик в сторону. Он гордился своей пунктуальностью, никогда не опаздывал и очень сердился, если это делали другие.

На тропинке послышались голоса. Вскоре на полянку вышли две девочки. Алька невольно открыла рот. Жанна нарядилась в новую блузку – это конечно удивило Алю, но больше всего потрясла спутница подруги. У незнакомки оказались тёмно-фиолетовые волосы и внешность Мальвины. Макс поднялся с бревна. Он с не меньшим удивлением смотрел на новенькую.

– А вот и мы, – громко сообщила Жанна и вышла вперед.

– Не слепые, видим, – буркнул Макс. – Мы ждали вас больше получаса.

– Извините, это я виновата, – нежным голосом певуче произнесла незнакомка. – Жанна заставила меня переодеться. Она сказала, что по лесу нельзя ходить в босоножках и платье.

– Правильно сказала. Можно пораниться или подцепить клеща, – подтвердил Максим.

Мальвина обогнула Жанну и протянула руку Альке.

– Меня зовут Диана.

– Аля.

– Очень приятно, надеюсь, вы не возражаете, что я напросилась с вами по грибы. – Девочка склонила голову на бок и мягко улыбнулась.

– Нет, – усмехнулась Алька и почему– то почувствовала раздражение.

– Я Максим, можно просто Макс. – Он осторожно пожал протянутую руку.

Аля уловила волнение в его голосе и посмотрела на друга. Его лицо залила краска.

– Ау, ребята, очнитесь. – Жанна помахала корзинкой.

– Только вы мне подсказывайте, какие грибы съедобные, – попросила Диана. – Я в них совершенно не разбираюсь.

Они решили сначала отправиться в берёзовую рощу, а если там не будет грибов, то просто побродить по окрестностям. Диана радостно вскрикивала при виде всего, что попа-

далось по пути. То и дело слышался её звонкий голосок.

– Ой, какой цветочек! А этот грибок съедобный? Смотрите, смотрите белочка на ветке. Ах, что за чудо эти ягодки!

– Стой, не трогай! Это ягодки ландышей и они ядовитые, – Макс кинулся к Диане, выбивая из её ладони зелёные горошинки.

– Я их есть не собиралась, просто хотела понюхать, – смущённо оправдывалась Мальвина.

Через густой ельник они прошли к берёзовой роще. Там Диана замерла от восхищения и минут пять молча разглядывала стройные берёзы, пронизанные солнцем. Аля тоже обожала эту рощу и всегда в ней испытывала радость и восторг. Она считала, что в лесу нет дерева красивее берёзы.

– Я была в Египте, видела пальмы, в Америке ездила на экскурсию к реке Амазонке, но прекраснее наших берёз ничего нет, – воскликнула Диана, хлопая в ладоши.

Ребята были полностью с ней согласны. Им было приятно, что она оценила их любимую рощу.

Аля заметила, что Максим всё время помогает новенькой. Подает ей руку, чтобы она перешагнула через ручей, отводит ветви от её лица, помогает спускаться по крутому склону. Их с Жанной он никогда так не опекал, кажется, ему даже не приходило это в голову. Алина ничего не могла с собой поделаться, она злилась все сильнее и сильнее.

«Стоило появиться другой девочке, и он совершенно забыл о нас. Предатель».

– Ребята! – позвала Жанна. – Давайте сделаем привал. Кушать хочется.

Они выбрали солнечную полянку и уселись на траву.

– Диана, можно тебе задать один вопрос? – Аля запила бутерброд компотом.

– Конечно, спрашивай, если смогу отвечу. – Девочка доброжелательно посмотрела на неё.

– Чья была идея, построить дом-замок? И почему у него такая странная расцветка.

– Моя мама дизайнер. Дом – её идея. Я тоже считаю его несколько ярковатым, – засмеялась Диана. – Маме давно хотелось, построить дом своей мечты. Кстати, внутри он очень удобный. Какая разница, как он выглядит, главное мама счастлива.

– Видимо, много лишних денег, если домик такого размерчика, – брякнула Аля и покраснела: «Чего я привязалась к новенькой, какое мне дело до их денег».

Диана отвела локон от лица и с достоинством произнесла:

– Хватает. Родители хорошо зарабатывают.

– Если не секрет, почему ты выкрасила волосы в фиолетовый цвет? – поинтересовалась Жанна.

– Никакого секрета. Назло маме. – Диана изобразила удивление и захлопала ресницами, как кукла. – Видели? Я буду так ходить, пока мама не откажется от своего плана устроить мне детскую в розовых тонах. Она не понимает, что я уже взрослый человек и сама решаю, как должна выглядеть

моя комната. Мама терпеть не может жеманных девиц, а я их хорошо изображаю.

– Тебе очень идёт этот цвет, – признался Макс и покраснел.

Диана вытерла салфеткой губы.

– Ребята, я слышала, что здесь неподалеку есть дольмены. Мне бы хотелось посмотреть на них.

– Посмотришь. Мы часто туда ходим – это любимое место Альки, – сообщила Жанна.

– Правда? В мире столько загадочного. Говорят, ученые так и не разгадали тайну дольменов. Было бы здорово раскрыть хоть одну, – добавила Диана. Про Стоунхендж в Англии наверно все слышали?

– Конечно, – ответила Алька за всех.

– Некоторые исследователи считают, что там есть проход в другое измерение, – продолжила Диана.

Алька насторожилась: «А вдруг и эта Мальвина может проходить по цепочке птичьих следов в иной мир. Нужно узнать у Кары и Рыжули. Странное совпадение: интерес новенькой к дольменам, переезд в Кишуг, разговор про переход в другое измерение. Или все-таки это совпадение».

Максим налил спутницам из бутылки компот в пластиковые стаканчики.

– Мы с отцом были в тайге за Уралом. Так вот там посреди леса есть места, где не растет трава, а камни уложены концентрическими кругами. Эти каменные дорожки местные назы-

вают лабиринт и уверяют, что в определенный час, при правильном расположении звезд, оттуда можно отправиться в любую точку земного шара.

– Ничего себе, – присвистнула Жанна и съехидничала: – А мы, как дураки, на самолетах летаем.

Макс досадливо поморщился.

– Зря не веришь. Я несколько раз прошел по лабиринту. Странное ощущение.

– Нам столько надо разгадать и узнать, – поддержала товарища Алька.

– Точно. Знания бы не помешали. Я читал, что в Индии вовремя раскопок древнего города обнаружили несколько тысяч скелетов. По внешнему виду костей ученые определили: все люди погибли одновременно от высокой температуры. Чуть дальше нашли оплавленные камни – эпицентр огня. Непонятно кем и чем был уничтожен этот город? – Макс уселся удобнее и продолжил: – В Коране описана чудовищная буря, которая продолжалась восемь дней и семь ночей и засыпала древний город Убар двенадцатиметровым слоем песка. Город относился к погибшей цивилизации Адитов на Аравийском полуострове. Однажды в одном арабском музее обнаружилась карта, нарисованная Птоломеем. На карте изображалась Южная Аравия, Аравийское море и исчезнувший Убар. Откопать удалось только часть хорошо сохранившегося города. Но самое странное не то, что нашли его точно там, где нарисовал Птоломей, а то, что руины излучали

остаточную радиацию. Могла ли быть ядерная бомба в прошлом? – Макс гордо оглядел собеседниц, словно он лично откопал этот город.

– Зря ты, Диана, затронула тему загадок. Рядом с тобой сидят два чокнутых любителя всего этого. – Жанна кивнула на Алю и Макса. – Я тоже могу подбросить вам загадку. Отгадайте, какой народ в прошлом был самым жестоким и воинственным на земле?

– Тут и думать нечего, – Ухмыльнулся Макс. – Викинги. Жанна показала ему язык.

– Нет.

– Татары, – предположила Диана. – Целых триста лет издевались над нами.

– Не-а.

– Римляне, – подкинула свою версию Алька. – Полмира завоевали.

– Ещё догадки имеются? – Лицо Жанны светилось от удовольствия: наконец, она смогла уколоть этих умников.

– Немцы! – осенило Макса.

– И снова мимо, – развеселилась Жанна.

– Ладно, сдаемся. – Алька подняла обе руки.

– Ассирийцы. Эх вы, темнота. Они признаны самым жестоким народом в мире. Создали великую империю от Персидского залива до западных пределов Египта. – Жанна наморщила лоб, вспоминая: – Ассирийцы потомки кельтских племен. Жестокость их не спасла. Ассирия исчезла с лица

земли в... блин, забыла, в каком веке до нашей эры. Ну что, я вас умыла? – довольная Жанна улыбалась во весь рот.

– Умыла. Я не читал об Ассирии. Зато я знаю, что в Краснодарском крае есть село, где живут потомки ассирийцев. Они сохранили свой язык и обычаи, – похвастался Макс и в ответ показал язык Жанне.

– Детский сад «Солнышко», – хмыкнула Алька.

– Хватит загадок. Диана, расскажи лучше, какая она река Амазонка?

– Мой папа фотограф. Специально поехал в долину Амазонки в сезон дождей, а он там длится полгода. Представьте, среди затопленных до половины высоких деревьев под водой плавают розовые дельфины. Красота! Мы плавали в аквалангах рядом с ними. Рыбы сновали между листьев, медузы висели на кустах. Так интересно. А ещё папе удалось снять белого лесного медведя-призрака в Канаде. Этих животных на планете осталось только четыреста штук.

– А я никуда, кроме как к бабушке, не ездила, – загрустила Аля.

– Повзрослеешь, подружка, и поедешь, куда захочешь. – Жанна успокаивающе погладила Алю по плечу. – Я, например, мечтаю вживую увидеть маленького медведика-коалу. Заливистый смех Макса прервал её слова.

– Ты чего? – возмутилась Жанна.

– Коала не медведь. Он ближайший родственник енота.

– Сам ты родственник енота, – заявила обиженная Жанна.

Аля посмотрела на новенькую и поняла: она ей нравится. Девочка не зазнавалась и оказалась дружелюбной. Она с интересом слушала их истории и с удовольствием рассказывала сама.

«Почему же я злюсь на неё? Мне ведь не нужно, чтобы Макс подавал мне руку. Я бегаю и прыгаю лучше его».

Алина встала и отряхнула джинсы.

– Ребята, пора домой, а то нас скоро с собаками разыскивать будут.

После прогулки к дольменам Алька нагуляла дикий аппетит. Быстро уплела тарелку супа с фрикадельками, выпила две кружки компота. Кряхтя, пересела на диван. И тут её настиг жуткий предсмертный вой-крик их домашнего кота Васьки. Она замерла от ужаса, прислушиваясь к себе и пытаясь разобраться, что происходит? Алине удалось смутно разглядеть двор дяди Гриши, самого мужчину и тёмный предмет в руках. В мозг ворвалась ещё одна волна боли и страха кота. Затем она резко оборвалась.

– Все, нашего Васьки больше нет, – сообщила Аля, бледная от пережитого.

– Да куда он денется, бегаёт где-то, разбойник, – пробурчала бабушка.

– Нет, не бегаёт. Его только что убил дядя Гриша.

– А ну-ка пошли. – Алексей Кириллович поднялся и решительно направился со двора.

Аля хотела отказаться, но взглянув на лицо деда, поплелась следом. Алексей Кириллович перешел через дорогу и направился к дому соседа. Григория он заметил сквозь сетчатый забор на огороде. Мужчина копал ямку под смородиновым кустом, рядом лежал окровавленный мешок.

– Гриша, что тебе сделал кот?

Сосед вздрогнул, поднял голову.

– Откуда вы узнали?

– Увидели, – туманно сказал дед, чувствуя себя довольно глупо.

Сосед вытаращил глаза и от удивления признался:

– Как? Я же его за сараем об угол стукнул.

– Гриша, ты человек или нет? – Алексей Кириллович услышал сдавленный звук. Он забыл о внучке.

«Идиот, нужно было её дома оставить!»

Аля разглядела мешок и догадалась что там. Содержимое её желудка выплеснулось наружу.

Дед подал ей носовой платок.

– Внуча, иди домой.

Алька вытерла рот. Живот снова скрутило.

– Я вашего Ваську выслеживал целую неделю. Он за шесть дней задушил тридцать цыплят. Охотничек... Тебе, Лексеич, пояснять не надо, если кот принялся их ловить, то не успокоится, пока всех не прикончит. Выставить счёт за цып-

лят, или молча пойдешь домой. Не доводи меня до греха, – озлился сосед.

– Ты сказал бы мне, я бы усыпил Ваську. Зачем живоде- рничать.

– Да не знал я, чей котяра цыплят душит. Он попался в капкан. Добил его, чтоб не мучился.

Дед опустил голову, постоял немного. Аля подняла на него заплаканные глаза.

– И его я должна понять?

– Должна. Ты слышала, что Васька напал на цыплят. Их тебе не жалко?

Аля отвернулась и побрела домой. Алексей Кириллович вздохнул: «Лучше бы этого необыкновенного слуха у внучки не было. Одни проблемы с ним».

Дома Аля умылась и ушла в свою комнату. Ей было страшно.

«Что я почувствую и услышу в следующий раз. Пойду к дольмену и попрошу Рыжулю и Кару избавить меня от этого дара», – решила она.

Алька шла по-утреннему лесу, наслаждаясь прохладой и впитывая радостные крики и звонкие трели птиц. Сегодня тумана не было. Чуть мокрая от росы тропинка мелькала между деревьев.

«Они решат, что я трусиха. Даже неделю не выдержала».

Она постояла на тропинке в раздумье и повернула назад.

– Как думаешь, Кара, она смирится и примет дар? – Белая лиса выглянула из-за куста орешника и обратилась к птице, сидящей на ветке лиственницы.

– Поживём – увидим. Мы знаем, что Алина потомок древнего рода садовников, поэтому мы и разыскивали её. Прадед девочки оказался слабым человеком, не принял дар и всю жизнь боролся с голосами в голове. Она сильнее и будем надеяться, что справится.

– Кара, тебя не удивило, что в селе появилось ещё одно семейство потомков-садовников.

– Отступников неосознанно тянет к местам сосредоточия силы.

– Почему Диана лишена дара, а Алина нет, если они обе из рода садовников? Как ты думаешь? – Лиса фыркнула, прогоняя бабочку, севшую прямо на влажный нос.

– Предки Дианы отвергли дар и потеряли его, а предки Алины боролись с даром, но сохранили кровь животворящей. – Ворона взмахнула крыльями. – Пора, а то упустим время перехода.

У Альки окончательно испортилось настроение. Максим не сводил глаз с Дианы.

«Даже не замечает, как смешно смотрится со стороны. Стоит Мальвине только намекнуть: хочу водички. Макс бросается к ней с бутылкой в руке» – злилась она.

Когда Диана попросила намазать ей спину кремом, Алька отвернулась: было неловко смотреть на восторженное лицо друга.

– А Максик-то наш спёкся, – тихо прошептала Жанна. – Без очков видно: ему нравится Дианка.

Аля промолчала. Солнце поднялось высоко и стало припекать спину и плечи. Она потрогала покрасневшую кожу.

– Давайте пересядем в тень.

– Я же говорила вам, намажьтесь кремом, не то обгорите. – Диана приподняла голову с полотенца.

– Ба... какая идиллия. Девочки, вам не скучно?

На склоне, поросшем ромашками и спорышом, стояло двое подростков. Аля не сразу узнала своих заклятых врагов детства – Шурку и Дениса. С этими мальчишками с соседней улицы они сражались за пляж четыре года назад. Их дружная троица тогда победила и водрузила красную кепку Жанны на шесте – в знак их победы. Мальчишки честно выполняли уговор и больше не появлялись здесь. Таких крохотных пляжиков на реке Агоя было множество, но этот принадлежал только им.

За то время, что они не виделись, Шурка вытянулся, окреп, но остался таким же худым, жилистым и загорелым до черноты, как и раньше. Некогда чуть рыхлое телосложе-

ние Дениса превратилось в полноту. Лицо мальчишки стало лунообразным, глаза утонули в пухлых щеках.

– Нескучно, – ответила Жанна. – Что вам нужно? Мы же договорились! – Она встала с покрывала и поставила руки в боки.

– Ребята, не ссорьтесь. – Диана села на расстеленном полотенце. – Это я их пригласила. Ведь, правда, в компании будет веселее. – Она улыбнулась своей лучезарной улыбкой всем и каждому в отдельности.

– Ты их пригласила? – удивился Макс. По его лицу было видно: он не доволен.

– Да. Я встретила мальчиков в магазине. Мы познакомились. Они рассказали мне, что в детстве воевали с вами за этот пляж. Думаю, пора помириться. Дэн, Шурик, идите к нам, – позвала их Диана.

Подростки спустились к реке.

– Привет. Как водичка? – Шурка сбросил с себя футболку, снял шорты. – Вы уже перегрелись, не хотите ополоснуться?

– Вода замечательная. Я с удовольствием искупнусь, – ответила Диана.

– Я тоже, – поддержала её Жанна. – А то скоро голова закипит от жары. Аля, ты идешь?

– Чуть позже, – ответила Алька, передвигаясь в тень.

– А ты, Макс? – Жанна повернулась к другу.

Максим поднялся и направился к воде.

– Давайте поиграем, кто быстрее переплывет речку туда и

назад, загадывает желание. Проигравшие обязаны будут его выполнить, – предложил Шурка. – Ну что, как вам моё предложение?

– Идёт, – обрадовалась Жанна. В отличие от Алины, плавала она великолепно.

Диана посмотрела на Шурку и улыбнулась ему, как-то особенному.

– Согласна.

Максим, заметив это, помрачнел.

– Тогда подходим ближе к воде, – скомандовал Шурка. – Дэн, давай отмашку.

Толстяк встал с бревна, на которое успел взгромоздиться.

– Раз, два, три – поехали!

Денис подошел к Альке и присел на траву рядом с ней.

– Сейчас Шурик их сделает.

– Не хвались раньше времени. Жанна хорошо плавает, да и Макс тоже. – Алька покосилась на Дениса, капельки пота густо усеяли его лицо. Маленькие бледно-голубые глаза мальчишки с насмешкой оглядели её.

– Он чемпион района по плаванию.

Жанна первой достигла противоположного берега речки и повернула назад. Алька вскочила на ноги и закричала:

– Жанка, давай! – Ей ужасно захотелось, чтобы подруга выиграла и оставила с носом противного мальчишку.

– Ори, ори. Только все без толку, – ехидничал Дэн.

Алина увидела, что Шурка играючи обошел Макса и Жан-

ну. Она не могла не признать, плыл он красиво и легко. Свежий ветерок гнал небольшие волны к берегу. Поверхность реки сверкала от солнечных лучей. Шурка походил на огромную, но изящную рыбину, рассекающую воду.

– Вот, чёрт. – Алька сердито пнула песок босой ногой.

Победитель вышел из воды на берег картинно с гордо поднятой головой и, развернув плечи. Его дыхание оставалось ровным, словно он не проплыл метров шестьдесят, борясь с течением, а просто прогулялся по песочку. Через две минуты, тяжело дыша, буквально выполз из речки Макс, за ним показалась Жанна. Подруга хватала воздух ртом и держалась за бок. Алька с досадой отметила: тело Максима по сравнению с сухой, подтянутой фигурой Шурки выглядело немного рыхловатым. Ей почему-то стало жалко друга и обидно за его поражение.

«Конечно, Шурка местный и по сто раз переплывал эту речку, а Макс за прошлое лето единожды сплавал на тот берег. Не совсем честное соревнование», – подумала Алька.

Последней из воды вышла Диана. По сравнению с подружками она выглядела сформировавшейся девушкой. Алька внезапно поняла: «Мальвина» не просто красивая девочка, она красавица. Мальчишки не сводили с неё глаз и больше никого не замечали вокруг. Аля смотрела на Макса, выражение его лица показалось по-идиотски глупым. В её душе разгоралось неприятное чувство жгучей ревности. Она понимала: Диана не виновата, что нравится Максиму, но всё

равно злилась.

– Ну что проиграли? Теперь дружно прыгаем на одной ножке и кукарекаем, – заявил Шурка, ухмыляясь.

Среди деревенских мальчишек это считалось самым большим унижением. Алька с неприязнью посмотрела на довольное лицо Шурки, на его серые прищуренные глаза и широченную улыбку.

– Я не буду прыгать, – пробурчал Макс и, прикусив губу, вызывающе посмотрел на соперника.

– Не умеешь проигрывать? – угрожающе произнёс Шурка и сплюнул сквозь зубы.

Дэн, стоящий рядом с Алькой, довольно потёр руки.

– Счас Молоток вашего красавчика уроет.

– Почему молоток? – поинтересовалась Аля.

– Фамилия Шурки – Молотов, – пояснил Дэн. – Он давно на него зуб держит.

– Мальчики, не ссорьтесь – это ведь игра. – Диана взмахнула руками и потешно кукарекая, запрыгала вокруг них.

Получилось у неё замечательно: весело и смешно. Жанна постояла и присоединилась к ней. Максим вздохнул и прыгнул пару раз на месте. Потом все катались по песку, держась за животы от смеха. Хихикал даже Дэн, отчего два его подбородка тряслись, как желе. Отсмеявшись, Диана осмотрела покрасневшую кожу.

– Пойдемте в тень, кажется, я немного обгорела.

До самого вечера они играли в карты на желание. Проиг-

равшие пели, читали стихи, говорили глупости, изображали зверей. Альке не хотелось себе признаваться, но с новыми друзьями оказалось весело. Её тревожило только одно. Максим с трудом скрывал свою неприязнь к Шурке. Молоток полностью завладел вниманием девчонок. И Диана, и Жанна не сводили с него глаз. Алька жалела друга, понимая, что он ощущает. Она сама только недавно узнала о своих чувствах к нему – это было для неё открытием. И теперь Аля с обостренным вниманием замечала все тонкости отношений. Она обнаружила, что Шурка именно Жанну выбирает себе в пару во всех играх. А вот Диана ровно общается со всеми мальчишками. Ещё Аля заметила, что в отличие от подруг, Молоток не делает ей поблажек. Когда играли в волейбол, ей он бросал мяч со всей силы, а Жанне с Дианой подавал мягко. Когда она выиграла в городки, Шурка одобрительно похлопал по спине тяжелой рукой. Аля не понимала, чем она отличается от подруг, и отчего он воспринимает её как равную, но его отношение сердило.

Утомившись, компания уселась перекусить. Диана, запиная тёплым квасом бутерброд, поинтересовалась у Шурки:

– За сколько секунд ты проплываешь стометровку?

– Ух ты, секунд, какого же ты хорошего обо мне мнения. На олимпиаде в Лондоне южноафриканец Камерон Ван дер Бург установил мировой рекорд. Он проплыл сто метров брассом за пятьдесят восемь секунд. Для меня лично полторы минуты – потолок, – ухмыльнулся Молоток.

– Ясно. – «Мальвина» отхлебнула квас и поморщилась. –
Надо было положить его в воду.

– А знаете, Шурка на спор в прошлом году прыгнул с моста, – похвастался Дэн.

Жанна восхищённо посмотрела на героя.

– Ничего себе.

– Глупо и опасно, – заявила Аля, – ради идиотского спора рисковать жизнью.

Под мостом в большом количестве над водой и под водой лежали огромные валуны. Купаться там, а тем более прыгать, значило играть со смертью.

– А ты всё делаешь правильно? – ожог её сердитым взглядом Молоток.

– Нет, конечно, но тебе бы только выпендриться перед другими, – съязвила Алька.

– Перестаньте. Ты молодец, Шурка. Алечка не хотела тебя обидеть, – миролюбиво произнесла Диана, дотрагиваясь до руки мальчишки.

Он белозубо улыбнулся Мальвине. Почему-то от его обязательной улыбки у Альки потеплело на душе.

Над их головами послышался рокот мотора. Низко над деревьями, чуть не задевая макушки, пролетел вертолёт.

– Опять кто-то из туристов потерялся. Вот бараны, – ухмыльнулся Дэн.

– И часто теряются? – Жанна, задрав голову, проследила

за вертолётom, пока он не скрылся из виду.

– Три, четыре раза за лето.

– Такой грохот от винтов... – задумчиво сказала Алька. «Почему я не слышу криков людей о помощи? Значит ли это, что могу улавливать сигналы только от животных».

– А знаете, что звук частотой ниже двадцати герц человеческое ухо не воспринимает. Звук ниже десяти герц вызывает у людей тошноту, тревогу и головную боль, – озадачил друзей своими познаниями Дэн.

– А вертолёт с каким звуком пролетел? – спросила Диана.

– Приблизительно сто десять децибел и где-то тридцать герц, – ответил Дэн. На его широком лице появилась улыбка, и неожиданно на щеках прорезались ямочки.

– Герц... поясни нормально, – потребовала Диана.

– Звук – это волны. Одна волна – одна вибрация – один герц.

Жанна посмотрела на толстяка с уважением.

– В школе запомнил?

– Дэн увлекается физикой, – пояснил Шурка. – Он все олимпиады по физике в районе и крае выиграл.

– Надо же, – удивилась Алька и подумала: «Вот тебе и жир-трест, а котелок-то у него хорошо варит».

Новые приятели незаметно отодвинули Макса в сторону. Он привык, что девочки общаются только с ним и теперь чувствовал себя обделённым. Аля видела мучения друга, и её сердце сжималось от жалости к нему.

Вечером подростки покинули пляж. Серебристо-белая лиса вылезла из кустов ивняка. С ветки слетела ворона такого же цвета и опустилась на песок рядом со зверем.

– Что будем делать? Девочка не прогрессирует, её мысли заняты чем попало, – понурила голову Кара.

– Ты слишком торопишься. Дар у людей развивается по-разному. – Лиса зевнула. – Походишь в этом облике по земле и начинаешь уставать, а впереди ещё целая ночь. Аля наполнила дерево, может, этого достаточно. С чего ты взяла, что со временем из неё получится хранитель? – Рыжуля недовольно посмотрела на собеседницу, подняла узкую морду. – Чувствуешь гармонию этого маленького мирка?

– Детского пляжа? – уточнила ворона.

– Да. Это место наполнено радостью, смехом, любовью ко всему живому.

– А также ревностью, обидами, недовольством, – пробурчала Кара.

– Жизнью, Кара, жизнью во всех проявлениях пропитано это место. – Лиса повела носом и чихнула.

– Что, слишком концентрированный коктейль получился? – съехидничала Кара.

Алька, размахивая пакетом, шла по улице. Бабушка отправилась в магазин, купить пирожные к чаю. Волна огромной

радости, нежности и любви окутала её с ног до головы. Девочка глубоко вздохнула, пытаясь унять сердце, пустившееся в галоп. На лавочке, мимо которой она прошла, сидела парочка. Парень держал девушку за руки и что-то ей говорил. Аля облизнула пересохшие губы: «Вот, значит, как ощущается любовь».

Она сосредоточилась и попыталась отключиться от эмоций влюбленных. Со второй попытки удалось. Аля перевела дух, слишком ошеломляющими оказались для неё такие чувства. Возле магазина уловила лёгкую радость ребенка, получившего долгожданную шоколадку. Стало смешно: во рту она ощутила сладкую горечь тёмного шоколада. «Ну вот, можно и не есть конфеты, достаточно постоять рядом со сладкоежками». Аля купила пирожные и отправилась в обратный путь окружной дорогой. Ей не хотелось снова попасть в вулкан страстей влюбленных. Дома выкладывая на тарелку выпечку, поинтересовалась у бабушки:

– Бабуль, а как ты познакомилась с дедом? – Аля осторожно прислонилась к шершавой спинке дивана. Плечи и спина обгорели на солнце и теперь болели.

– А что это ты вдруг заинтересовалась? – Анна Григорьевна отложила вязанье и, подняв очки на лоб, посмотрела на внучку.

– Просто интересно.

– К нам на дискотеку в медучилище пришли парни из пединститута. Твой дедушка пригласил меня на танец и больше

не отстал. Прицепился, как клещ, – засмеялась она.

– Ты его полюбила сразу? С первого взгляда?

– Нет, но он мне очень понравился. А оценила я его после. – Глаза Анны Григорьевны затуманились. Перед глазами её мелькали картинки из прошлого.

– Бабушка, а у тебя было такое, чтобы люди, которых ты считала лучшими друзьями, переметнулись к другим. – Алька запнулась. Не умея выразить свои чувства.

– Они предали тебя, оболгали?

– Нет. Просто теперь они общаются не только со мной, – сказала Аля и почувствовала себя глупо.

– Можно уже и не отвечать. Ты сама поняла: люди не вещи. Они не могут быть чьей-то собственностью. Человек волен в своих действиях и поступках, а если ты требуешь дружить только с тобой – это глупо и эгоистично, – бабушка усмехнулась. – В детстве я через это прошла. У меня была подруга детства Соня. Она устраивала истерики и скандалы, если я играла с другими девочками. Чтобы не огорчать подругу я уступала, пока не поняла: она сузила мой мир до себя. В этом тесном кругу я буквально задыхалась. Постепенно мои дружеские чувства к Соне переросли в неприязнь. Так что, внучка, нет ничего хуже, чем отбирать у человека личную свободу.

Алька вздохнула: «Как всё сложно».

Залаял соседский пес Джульбарс. С улицы слышались голоса. Потом кто-то постучал в их калитку. На шум из дому

вышел дедушка.

– Сидите. Я узнаю, что случилось. – Он махнул рукой, останавливая жену, поднявшуюся с дивана.

Через пару минут Алексей Кириллович вернулся с гостями: женщиной средних лет и подростком. Когда они вышли на свет, Алька с удивлением узнала в незнакомце Шурку.

– Что случилось? – Анна Григорьевна настороженно посмотрела на мальчишку.

Шурка молчал. Он выглядел взволнованным и расстроенным.

– Тетя Аня, мы к вам с просьбой. Дело в том, что Маруся пропала... – Гостья заплакала.

Алька с бабушкой переглянулись в недоумении.

– Мама, я сам объясню. – Шурка обнял мать, утешая. – Моя сестренка Маша и соседский мальчик Ваня после обеда сбежали из детского сада. Воспитательница сообщила родителям о пропаже детей в два часа дня, после того, как обыскали группы. Расспросили малышей, и один из детей вспомнил, что Маруся с Ваней пошли в лес искать серебряного оленя. Я с вами был на реке и ничего не знал. К вечеру родители и их друзья обыскали окрестности. Дядя Егор работает в службе спасения, это он с моим отцом пролетал тогда над рекой на вертолёте, – пояснил Шурка Алине. – В общем, малышей не нашли. Уже стемнело, а они до сих пор в лесу. Им, наверно, страшно. Марусяке только пять лет исполнилось, Ваня на год старше. – Подросток погладил плачущую

мать по плечу.

Женщина перестала всхлипывать, вытерла мокрое лицо платком и посмотрела на Альку.

– На улице мы встретили Дарью. Она уже знала о нашей беде и сказала, что ты сможешь нам помочь. – Мать Шурки – Лидия кивнула на соседку, стоящую поодаль. – Она сказала, что у тебя необычный слух. Помоги, милая. Вдруг услышишь малышей. Маруська темноты боится, она плакать будет.

– Но-о-о, – протянула Алька, – как же я услышу, они могут быть где угодно.

Лидия посмотрела на Алексея Кирилловича.

– Дядь Леш, тётя Аня, отпустите внучку ненадолго. Дети не могли уйти далеко, пусть Аля ходит с нами по лесу. Шурка проведет по тропкам, с ней ничего не случится. Пожалуйста! – Лидия снова заплакала, закрывая лицо руками.

Дед покосился на внучку.

– Попробуешь?

Алька кивнула.

– Тогда иди, одевайся. – И, обратившись к Лидии, добавил: – Я с вами пойду.

– Спасибо. Спасибо. – Мать Шурки промокнула глаза и горько вздохнула: – Поиски прекратили до утра, завтра всё село пойдет разыскивать наших беглецов, но я не могу ждать, не могу...

Впереди группы из пяти человек шёл отец Шурки – Сергей. Он освещал тропинку большим фонарем, за ним вплот-

ную двигалась его жена и Алексей Кириллович. Аля шагла за дедушкой. Замыкал это странное шествие по ночному лесу Шурик. Время от времени люди громко выкрикивали имена потерявшихся малышей. Потом замолкали. Минут десять стояло напряжённое молчание, все с ожиданием смотрели на Альку. Она изо всех сил вслушивалась в звуки ночного леса и мечтала, уловить хоть что-нибудь. Ничего не получалось. В отличие от своих спутников она знала: ей нужно поймать отголоски отчаяния и страха у детей.

«Почему же мне удалось услышать зов собаки и кота, а с малышами ничего не выходит. Может они далеко, поэтому мне не удаётся уловить их мысли?»

Круженье по тропинкам продолжалось уже больше трёх часов, все устали и присели на ствол упавшего дерева.

– Извините, тетя Лида. – Алька опустила голову.

– Ничего. Ты старалась, – утешила её Лидия, но голос выдал разочарование.

Шурка отыскал в темноте руку Альки и крепко сжал. В ту же секунду в мозг девочки ворвался отчаянный плач детей. Испуганная Алька вскочила.

– Я что-то услышала в той стороне.

Взрослые затаили дыхание – ничего.

– В какую сторону идти?

– Туда. – Показала Алька. – Но у меня такое чувство, что они далеко от нас. И я их перестала слышать.

– Сергей, придется отложить поиски до утра. В той сторо-

не много мелких оврагов – опасно идти напролом. Направление ты знаешь. Дети живы. Правда, внучка, ты же их услышала? – с надеждой в голосе поинтересовался Алексей Кириллович.

Алька кивнула.

– Лида, нужно возвращаться. – Сергей тронул жену за плечо.

Она в отчаянии замотала головой.

– Послушай ещё, – попросила она Альку. – Второй час ночи, через четыре часа рассветет, зачем возвращаться в село?

– Затем что все устали, – попытался Сергей образумить жену. – Утром я с односельчанами продолжу поиски. Мы поищем малышей в том направлении, какое указала Аля.

– Ты слышишь их? – Лидия подошла к девочке и взяла её за обе руки. Алька вздрогнула и перед внутренним взором мелькнула картинка. Дети обнявшись, спят под деревом в яме, полной прошлогодней полуистлевшей листвы.

– Они заснули. В яме, в листве, – прошептала Аля.

– Ты меня утешаешь? – Лидия сглотнула слезы. – Хорошо, возвращаемся домой.

В половине седьмого Альку разбудили голоса людей на улице. Почти всё взрослое население Кижуги вышло на поиски детей. Алька вскочила с постели, торопливо оделась и

помчалась на кухню.

– Ты чего подхватила, поспала бы ещё. – Бабушка поставила на стол тарелку с горячими оладьями.

– Дедушка уже ушёл?

– Да. – Анна Григорьевна подала внучке кружку с чаем.

Алина быстро съела пару оладий.

– Аля! – раздался голос Шурки с улицы.

– Ба, я пойду. – Алька вытерла рот и руки салфеткой. – Спасибо за вкусные оладушки.

– Куда собралась? Без тебя справятся.

– Я буду на нашем пляже с ребятами. – Аля положила в сумку бутылку с водой и полотенце.

– Вот возьми. – Бабушка подала ей пластиковый контейнер. – Как всегда обед пропустишь.

У калитки стоял бледный, не выспавшийся Шурка. Вчера ночью Аля попросила его пойти с ней на пляж или в любое другое тихое место. Она догадалась, что через него сможет установить связь с сестрой – случайно обнаружилось, когда Шурка прикасался к её руке, тотчас перед внутренним взором возникала картинка. Тоже самое произошло, когда она коснулась тети Лиды. Родные потерявшегося ребенка служили усилителем, транслятором или чем-то ещё и помогали установить связь с малышами. Альке нужно было сосредоточиться, а большое количество людей только помешало бы этому.

– Ты уверена, что сумеешь услышать Маруську?

– Нет, Шурик, не уверена, но вряд ли от нас там больше толку. – Она кивнула на лес, наполненный голосами односельчан.

Они быстро добрались до маленького пляжа, сели на бревно. Аля взяла Шурку за руку и закрыла глаза. Тишина. Сквозь ресницы посмотрела на реку. Маленькая серо-чёрная птичка с коричневой головой и белой грудкой опустилась у воды на песок, а потом спокойно зашагала под воду. Аля с удивлением проследила за ней. Птичка, окутанная серебряными пузырьками воздуха, бродила по дну у самого берега. Потом она вышла, держа в клюве рачка, встрепенулась, расправила сухие крылья и взлетела на ветку ивы.

– Эту птичку называют – оляпка, птичий рыбак, – пояснил Шурка, заметив её интерес.

– Оляпка выглядела серебряной под водой, – с восхищением произнесла Аля. – Я поняла, – вдруг озарило её. – Бабушка говорила мне, что родственные узы, как серебряная нить между душами. – А про себя подумала о причудливости человеческой мысли. – У тебя есть что-нибудь принадлежащее твоей сестре?

Шурка достал из кармана заколку Маруси. Аля сжала её в ладони, другую руку положила ему на плечо.

– Думай о сестре.

Перед внутренним взором девочки медленно проступала, проявлялась картинка: лес, огромный дуб. Под ним в яме зарывшись в листву, сладко спали дети.

– Они спят под деревом – поэтому я не слышала их. – Аля убрала руку с плеча Шурки. Твоя сестренка и её друг находятся в дубовой роще, неподалёку лежит пара огромных круглых валунов.

– Я понял, где они! Сейчас позвоню отцу. – Шурка набрал номер на мобильнике. – Папа, ты где сейчас находишься? Хорошо. Идите к мячам Великана, Маруся с Ванькой сейчас там. Неважно откуда я знаю. Пап проверь, тебе до них идти не более двух километров. Перезвони, как обнаружите их. Ладно?

– Ты поверил мне, а вдруг я ошиблась, – заволновалась Алька.

– Скоро узнаем. – Шурка потрогал песок. – Прогрелся. Я прилягу. Всё равно придётся ждать. Я почти не спал ночью. – Он вытянулся на песке, прикрыв лицо кепкой.

Аля покосилась на него, отметила впалый живот, который не скрывала даже мешковатая футболка, загорелую до черноты кожу, сильные плечи и трогательно пушистые выгоревшие на солнце волосы. Послышалось сопение. Шурка мгновенно заснул.

«Кара говорила, что я смогу понимать зверей: их переживания и беды. С соседской собакой я часто играла, кота кормила и частенько держала на коленях. Я их любила, наверно, поэтому и услышала. А малышню смогла уловить только через Шурку. Он стал моим... моим компасом» – осенило её.

Громкий звонок телефона заставил Альку подпрыгнуть на

месте, а Шурку проснуться.

– Да, пап, слушаю. Нашли? И как они? Всё хорошо? Здорово. Да, пап, иду домой. – Шурка положил телефон в карман шорт и обнял растерянную Алю.

– Ты молодчина! Они нашли мелюзгу возле камней. С ними полный порядок. Только комары искусали, и они немного поцарапались. Как ты сумела определить место, где искать Ваньку с Маруськой?

– Я не знаю. Это получилось случайно. – Алька освободилась от крепких объятий мальчишки. – Ты дрых, а для меня минуты ожидания звонка тянулись невыносимо долго. Ну что, пошли по домам, а то я тоже усну на песочке, – хмыкнула она. – И это, Шур, – Алька замялась, – не рассказывайте всем подряд обо мне.

– Само собой. Иначе начнут приставать, найди да найди пропажу всякой ерунды.

Шурка дотронулся рукой до щеки Альки и, наклонившись, неожиданно коснулся её губ своими сухими и обветренными губами. Она вздрогнула от хлынувшего на неё коктейля из эмоций радости, благодарности, смущения и чего-то ещё очень приятного. Аля отстранилась, хотя ей очень хотелось продлить свой первый поцелуй. На самом краешке сознания мелькнул образ Максима, мелькнул и растворился.

Шурка взял её за руку.

– Теперь можно и по домам.

Подростки стали подниматься по травянистому склону на

дорогу. Из кустов показалась лиса и посмотрела им вслед.

– Скажи-ка мне, Кара, почему мы не могли подсказать девочке, как использовать дар? Почему Аля должна доходить до всего своим умом?

– Ключевое слово – своим умом. – Ворона слетела с ветки и опустилась у воды. Птица скосила глаз на проплывающую у берега мелкую рыбешку. – Если бы у Али ничего не вышло с поисками, но она всей душой желала помочь, мы бы нашли способ подсказать ей. Но нет, не понадобилось, наша садовница справилась сама. Когда-то у юных садовников были учителя-наставники, но мы с тобой хранители и знаем о воспитании лишь понаслышке. За Алей мы ещё понаблюдаем немного, и если она правильно развивает свой дар, оставим в покое. Пора отправляться дальше, одна садовница – это слишком мало, люди так недолговечны, – посетовала Кара.

Лиса переступила лапками на горячем песке.

– Ты немного жестока, – пожурела собеседницу Рыжуля.

Кара повела клювом.

– А ты слишком сентиментальна и всегда привязываешься к садовникам, а потом долго тоскуешь после их ухода. Мы хранители и должны быть беспристрастны.

– Это ужасно, скоро в нас не останется ничего живого, поэтому наша кровь и не помогает дереву. А у людей она наполнена жизнью, жадной познания, солнцем и любовью! – воскликнула лиса.

– Чего-чего, а страсти и в тебе хватает, – хмыкнула ворона. – Не очень-то хвали людей, сама видишь: измельчал народец, и кровь у многих отравленная – чёрная. Земле не хватает хранителей. Последний умер лет сто назад.

– Кара, ты разглядела в нитях мироздания, что на планете грядут перемены. Какие? – Рыжуля повернула к вороне острую мордочку.

– На земле появится поколение людей-одиночек, живущих только для себя. Образуются сообщества по интересам. Чувства будут считать устаревшими и ненужными. Люди-автоматы без сердца возникнут не сразу, но постепенно они заполнят прежде прекрасную планету.

Жёлтые глаза лисы затуманились.

– Неужели это сбудется? Как же землянам избежать этой участи?

– Это только один из вариантов развития человечества, – пробурчала Кара. – Зря испугалась, думаю, они сами найдут выход. А у нас с тобой есть более насущные проблемы, охранять Древо и найти ещё садовников.

– Мне кажется, ты что-то скрываешь, – предположила Рыжуля. – Все-таки ты старше меня на несколько веков и понимаешь больше.

– Это только твои подозрения. – Ворона взлетела и уселась на верхушку ясеня. – Мы убедились, что с девочкой всё в порядке. Пора заняться другими делами. – Кара покинула дерево и направилась в сторону дольмена.

Лиса фыркнула и исчезла в кустах.

Аля проснулась в пятом часу вечера. В открытое окно дома доносились голоса из беседки. Дедушка с кем-то разговаривал. Из кухни в дом проник умопомрачительный запах яблочного пирога с корицей. Алька сглотнула слюну, в животе заурчало. Оладьи, съеденные на завтрак, давно растворились в желудке. Она направилась в кухню, мечтая о кружке сладкого компота с куском пирога.

– А вот и наша соня, – дед поприветствовал внучку. – А мы тебя поджидаем.

Алька с удивлением увидела в беседке всё семейство Молотовых в полном составе.

– Ну ты и дрыхнешь, – улыбнулся Шурка.

Возле него сидела маленькая девочка, похожая на Алёнку с шоколадки.

«Это его младшая сестра-потеряшка», – поняла Алька.

Мать Шурки подошла к Але и молча крепко обняла. Отец Шурки неловко похлопал её по плечу.

– Спасибо за дочку. Не представляю, как ты её нашла. А это от нашей семьи. – Сергей протянул Альке замечательные ролики.

Аля давно о таких мечтала, но ничего не говорила матери из-за обиды на неё.

– Не надо, – смутилась она. – Я, как и все, помогала.

– Бери, бери, нам хочется тебя отблагодарить. – Лидия забрала у мужа ролики и сунула в руки девочке.

– Представляешь, Кириллович, вчера ночью мы шли точно в сторону детей. А утром я подумал: в той стороне искали, пойдем в другую. Когда мне позвонил Шурка, я не поверил, но сын настоял. Детей нашли в яме с листвой. Просто удивительно, как ты их обнаружила. – Отец Шурки посмотрел на Алю.

Она смутилась, ей не хотелось рассказывать о полученном даре.

– Ладно, не хочешь, не говори. – Сергей улыбнулся.

– Серёж, я попрошу тебя, не распространяйся в селе о способностях внучки.

Отец Шурки такой же сероглазый, как и его сын кивнул.

– Кириллович, я понял.

Алька глянула на семью Молотовых, и у неё защемило сердце. Какие они дружные. «Алёнка» приникла к брату. Лицо, руки и ноги девочки покрывали красные пятна: укусы мошек и комаров. Она с любопытством таращила на Альку огромные голубые, как у матери глаза. Тетя Лида с любовью посматривала на детей и мужа. Пережив большой стресс, женщина не могла наглядеться на родных людей.

После ухода гостей Алексей Кириллович обратился к внучке:

– Аля, я считал, что у тебя обнаружился необыкновенный слух, но дети спали, ты не могла их слышать. Может, расска-

жешь правду?

Анна Григорьевна присела рядом.

– Мы и раньше с дедом замечали за тобой кое-что странное, но сейчас странностей добавилось. Тебя словно подменили.

– Вы действительно хотите знать правду? – Алке было необходимо посоветоваться с кем-нибудь и рассказать обо всём, что с ней произошло.

– Конечно, хотим, – подтвердил дед. – Ты должна нам доверять. Рассказывай.

Аля поведала им о встрече с вороной и лисой, умеющими разговаривать мысленно, о переходе в первичный мир, о полученном там даре.

– Сначала у меня в голове была каша из множества звуков, но потом всё улеглось. Я смогла, как в радиоприемнике, уловить сигналы-просьбы о помощи. Сначала услышала мысли Джульбарса и почувствовала его боль и ужас, потом нашего кота. Наверно, мне удаётся схватывать только сильные эмоции. А когда пропала Маруся, все так переживали... Я хотела помочь. Но ничего не выходило, пока случайно не дотронулась до руки Шурки.

– Ты не знала девочку и не могла установить с ней связь, – пояснил дед. – Шурка стал компасом для тебя. В мире столько неизученного и таинственного. Да-а-а, Аля, ты нас сильно удивила. – Алексей Кириллович озадаченно почесал макушку. – В чудный дар ещё верится, но проход в другой мир...

Ты не выдумываешь?

– Я знала, что вы не поверите мне, – обиделась Алька. –
Пойдемте к дольмену на рассвете. Я позову Кару и Рыжулю.
Увидите своими глазами.

Алька шагала по тропинке первой, аккуратно отводила и
придерживала ветки, чтобы бабушке было удобнее. Утром
Анна Григорьевна передумала идти к дольмену. Она посмот-
рела на обильную росу на траве, представила намокшую и
грязную обувь, падающие капли воды с деревьев и поёжи-
лась.

– Лёша, идите вдвоём.

– Нет уж, бабушка, ты должна сама убедиться, – возмути-
лась Алька.

И вот теперь Анна Григорьевна шла, недовольно бормоча
себе под нос. До каменного строения оставалось километра
два, когда девочку настиг жуткий крик боли и смертельного
ужаса.

«Рыжуля!» – Алька замерла, крик повторился снова и рез-
ко смолк.

На остановившуюся внучку налетела бабушка.

– Ты чего встала?

– Вы слышали сейчас что-нибудь? – поинтересовалась
Алька. Сердце бешено колотилось. Она поняла: с лисой слу-

чилась беда.

– Птицы разорались, как ненормальные, – проворчала бабушка. – Я понимаю, солнце взошло, утро хорошее, но чего так горланить.

– Да-а-а, давно мы с тобой, Анечка, рассвет не встречали. Птицы по утрам всегда так поют.

– Бабушка, дедушка, пойдемте быстрее, с моим другом Рыжулей что-то случилось. – Аля сорвалась с места и почти побежала по тропинке.

– Аля, а ну-ка обожди, – возмутилась бабушка и топнула ногой. Она комично смотрелась рядом с высоким и крупным мужем.

У входа в дольмен рядом с чем-то бело-бурым сидела, нахохлившись, ворона. При виде садовницы она встрепенулась. Алька подбежала ближе и с ужасом увидела умирающую лису. Худенькое тело зверя зажало огромным медвежьим капканом. Вся трава и камни рядом с Рыжулей окрасились кровью, белая шкурка стала бурой.

Аля упала на колени перед лисой.

– Как же ты не заметила капкан?

– Этот дольмен один из проходов в первичный мир и здесь всегда было безопасно. А я всё-таки не настоящий зверь, поэтому не заметила ловушку, – прошептала лиса, с трудом поднимая голову. Затуманенные глаза хранителя, прощаясь, посмотрели на девочку.

– Отойди от зверя, а то ещё покусает, – крикнул Алексей

Кириллович, появившись у дольмена.

– Дедушка, помоги! – Алька попыталась разжать железные зубы капкана. – Это мои друзья.

На поляне показалась запыхавшаяся бабушка.

– Лёша, что происходит?

Алексей Кириллович опасливо покосился на странную белую ворону, смотрящую на него осознанным, почти человеческим взглядом. Оглядел необычного окраса окровавленную лису.

– Дедушка, сделай же что-нибудь! – взмолилась Алька.

При виде удивительных друзей внучки, Анна Григорьевна остолбенела.

– Перенеси Рыжулю по тропе, до того, как она умрет, – попросила Кара. – Её душа сможет соединиться с нитями мироздания нашего мира, только тогда она сможет возродиться. В первичном мире нет смерти. Я не смогу перенести её сквозь портал, поэтому ты должна мне помочь.

– Я сделаю всё, что ты скажешь, но вы говорили: проход для садовников открывается раз в полгода. Как же я пройду, – заволновалась Алька.

– Когда погибает хранитель, портал отворяется в неурочное время на несколько минут и для садовников, – пояснила ворона. – Аля, поторопи дедушку.

Алексей Кириллович нашел толстый крепкий сук и попытался разжать капкан. Ему помогала и Алька, и даже бабушка. Наконец удалось освободить Рыжулю. Аля взяла на руки

безвольное тельце лисы и шагнула в дольмен.

– Бабушка, дедушка, я отнесу её и вернусь.

Первые лучи солнца озарили верхушки деревьев, осветили возвышенность, на которой стоял дольмен и заглянули внутрь строения. Ворона, переваливаясь, пошла по птичьему следу, за ней двинулась Алька. Алексей Кириллович и Анна Григорьевна с недоверием посмотрели на внучку и отправились следом. Они успели заметить, как сначала в камне растворилась птица, а потом, словно это была не стена, а туман, исчезла Алька.

– Ё моё. Глазам своим не верю. – Дед схватился за голову. – Проход в другой мир.

– А ты знаешь, что моего прадеда упекли в психушку за то, что он говорил родным, будто должен полить кровью Древо Познания. Прадед провёл остаток жизни в больнице. Получается, он говорил правду, – сообщила мужу потрясённая Анна Григорьевна.

Алька держала на руках лису и с изумлением наблюдала: вот окровавленная шкурка посветлела, потом начало таять тело, осыпаясь хлопьями, похожими на сгоревшие в костре листья. Пепел подхватило ветерком и унесло прочь. Только радужный пульсирующий шар оказался в её ладонях. Кара явно разговаривала с этим шаром, но Алька не понимала и не слышала слов. Ворона о чём-то спорила с ним. Потом совсем как человек, не сумевший переубедить собеседника, махнула крылом. Шар заискрился, поплыл, меняя фор-

му. Через пару минут на руках у девочки лежал белый котёнок-подросток, внешне очень похожий на погибшего Ваську, если бы не окрас.

– Ой! Рыжуля это ты. Как же теперь тебя звать? – обрадовалась Аля.

Котенок мяукнул, выгнулся дугой и, спрыгнув с ладоней девочки, завис рядом.

– По-прежнему. Я привыкла к своему имени.

– Ты специально стала похожа на Ваську? – восхитилась Алька, разглядывая пушистую снежно-белую шкурку животного.

– Конечно, – буркнула Кара. – Чтобы сделать тебе приятное. Я убеждала её стать детенышем рыси. Котенком быть не очень-то безопасно.

Алька весело засмеялась и, поймав Рыжулю, чмокнула в носик.

– Тьфу! Ни какой серьезности, – возмутилась ворона.

Девочка тихо прошептала на ухо котёнку:

– А Кара раньше умирала?

– Не обязательно шептаться, можно произнести мысленно, я всё равно услышу, – нахохлилась ворона.

Рыжуля подняла на Альку печальные прозрачно-синие глаза.

– Не стоит об этом говорить. Слишком страшно это было. Кара взмахнула крыльями.

– Хватит болтать. Девочке пора возвращаться.

– Ой, меня дедушка с бабушкой заждались. Волнуются. Котенок лизнул Альке руку.

– Пока, садовница.

– Пока-пока ещё не раз встретимся, – буркнула ворона и ворчливо добавила: – Береги себя.

Прошло всего двадцать минут, но Алексею Кирилловичу показалось, что время застыло и тянется, напряжённо, до звона в ушах и замиранья сердца.

– Господи, я боюсь, – прошептала Анна Григорьевна.

На сером фоне камня проступили очертания Альки. Ещё секунда и она стояла в дольмене.

Бабушка кинулась утешать внучку.

– С тобой всё в порядке?

– Она умерла, а потом возродилась снова, – сообщила Алька. – Нет, не так. Рыжуля не погибла, просто исчезло тело лисы, а появился котенок. Она стала похожа на Ваську в детстве, только белого.

Анна Григорьевна озадаченно посмотрела на внучку.

– Ты нас совсем запутала.

– Ворона и лиса разговаривали с тобой, а почему мы ничего не слышали? – удивился Алексей Кириллович.

– Мысленное общение, – пояснила Аля. – Кара сказала, что душа и сознание бессмертно, и ещё: у каждого человека своя миссия и цель на земле, и только от нас зависит, куда мы попадем после смерти.

– Твоя Кара права. – Алексей Кириллович без тени улыбки

ки глянул на внучку. – Пойдем домой. Расскажешь подробнее о своей миссии, а мы с бабушкой, чем сможем, поможем. Кажется, сегодня мы получили ещё одно доказательство, что наш мир удивительная штука.

– Кара объяснила: ничего не случается просто так, во всём есть смысл. О чем это она?

– Разберёмся со временем, – улыбнулась бабушка и направилась к выходу из дольмена.

Кара наблюдала за растворяющейся в камне Алей, впервые позволив себе подобие улыбки.

– Ты снова привязываешься к садовнице?

– Теперь можно, чувствую она с нами надолго. – Котёнок сладко потянулся, легко осваиваясь в новом теле.

– В этот раз ты не ошиблась. Алина не только возродит род садовников, но и станет следующим хранителем.